Южноуральцы-Герои Советского Союза

А. С. КИСЛИЦЫН

Овеянные славой

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юный читатель!

Тобой прочитано немало книг. Ты знаешь, какие героические подвиги совершали советские люди во время Великой Отечественной войны. А знаешь ли ты, что среди этих мужественных людей, тех, кому правительство присвоило звание Героя Советского Союза, были и твои земляки — южноуральцы. Уже известны имена 160 Героев Советского Союза, выросших на Южном Урале.

О некоторых из них ты прочтешь в книге «Овеянные славой». Эту книгу с любовью написал полковник в отставке Александр Спиридонович Кислицын, участник Великой Отечественной войны. На страницах своих очерков он оживил великие ратные дела южноуральцев. Здесь нет выдуманных историй и имен. Это волнующее описание подвигов героев, сражавшихся с фашистами во имя твоего счастья. Те, кто из них остался жив, и сейчас впереди — героически трудятся во имя торжества коммунизма.

- Овеянные славой
  -
  - ЖИЗНЬ КРАСИВЕЕ МЕЧТЫ
  - ОТВАЖНАЯ ДУША
  - СЕРЖАНТСКАЯ СЛАВА
  - В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ
  - РАЗВЕДЧИК БОРИСОВ
  - МАСТЕР ОГНЯ
  - ПАМЯТНИК В СЕЛЕ КОСУВ
  - УКРОТИТЕЛЬ «ТИГРОВ»
  - НАШ СОВРЕМЕННИК
  - ТАКИЕ НЕ УМИРАЮТ
  - ИЗ АЛЬБОМА ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
- notes
  - 1
  - 2

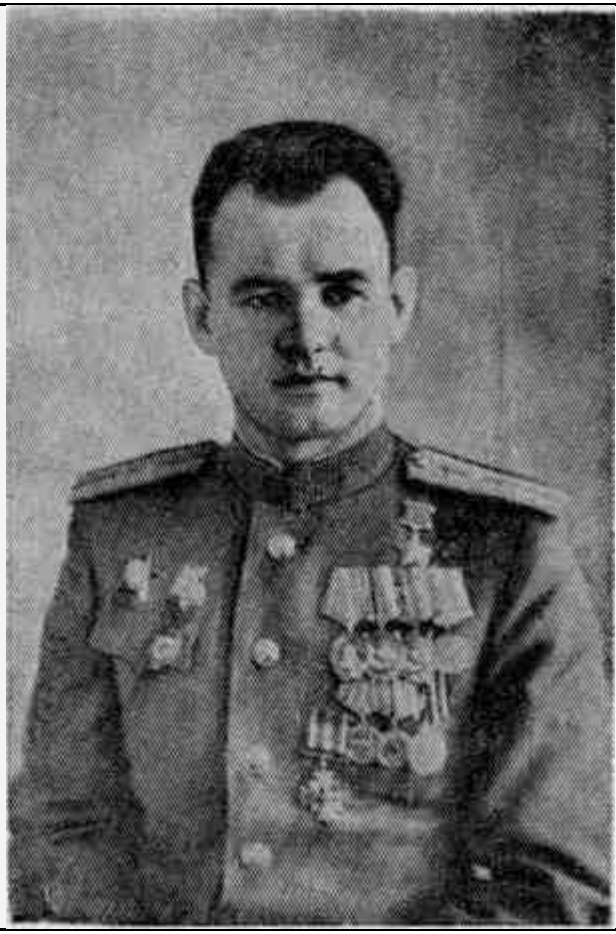
А. С. Кисляцын

Овеянные славой

Очерки
о южноуральцах — Героях
Советского Союза

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1985

ЖИЗНЬ КРАСИВЕЕ МЕЧТЫ



I

Леониду Васильевичу Деме пятьдесят лет. Из них более тридцати отданы авиации.

Язык цифр наиболее убедителен. Дему можно назвать «миллионером». За его плечами два миллиона километров. 8030 часов в воздухе. В годы Великой Отечественной войны Леонид Васильевич совершил 250 боевых вылетов, сбив в 54 воздушных боях двадцать два самолета противника.

Когда отгремела война с гитлеровской Германией, Дема вернулся в Магнитогорск. Еще ребенком приехал Леня из села Михайловка Стерлитамакского района Башкирской АССР в этот

город, ставший ему родным.

Сняв военный мундир, украшенный четырнадцатью высокими наградами, капитан запаса стал пилотом Гражданского Воздушного Флота. А началась его гражданская и военная биография так…

В 1931 году, окончив в Магнитогорске ФЗУ № 1, стал работать слесарем-электриком паросилового цеха металлургического комбината. После работы Леня с друзьями-комсомольцами торопливо шагал в Магнитогорский аэроклуб. Он был счастлив. Сбылась давняя мечта: его зачислили на планерное отделение.

И вот пришла первая «воздушная» победа. Рекорд области! На планере отечественной конструкции Леонид продержался в воздухе более семи часов! Он стал чемпионом свободного планирования.

Окончил Дема и пилотное отделение аэроклуба. Но мастерство вождения самолета не приходит само собой. В основе мастерства всегда упорный труд. Незаурядные способности пилота-планериста, настойчивость в достижении цели и постоянная собранность без лишней суетливости обратили на себя внимание. И Деме предложили остаться пилотом-инструктором. С энергией он взялся за обучение таких же пылких, беспокойных советских парней и девушек. Профессия пилота нравилась Деме, в ней он видел воплощение своей красивой мечты. Вскоре Дема успешно закончил Казанскую школу летчиков-инструкторов. По окончании ее работал в Челябинском аэроклубе. Там и сейчас хорошо помнят требовательного, знающего учителя, веселого и общительного человека. Группу за группой обучал Леонид, помогая курсантам получить «путевку в небо». И не было у него другой более благородной задачи.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Дема в числе первых перешел на ночной бомбардировщик «ПО-2». Леонид всю силу своего мужества, как и тысячи его друзей, воспитанников Ленинского комсомола и великой партии коммунистов, отдавал защите Родины. В ноябре 1942 года под Волгоградом молодой советский ас, командир эскадрильи Леонид Васильевич Дема повел за собой эскадрилью истребителей «ЯК-1». Четыре самолета противника уничтожил он над волжскими просторами. Жестокие бои над Москвой, Волгоградом, на Северо-Кавказском, Воронежском, 1-м и 4-м Украинских фронтах закалили летчика.

II

12 декабря 1942 года тридцать транспортных самолетов врага, охраняемые истребителями, летели с грузами боепитания, продовольствия и медикаментами для окруженной группировки Паулюса. Немецкие самолеты сбились с курса и очутились над аэродромом в районе Большие Чепурники, где базировалась авиаэскадрилья Демы. Над аэродромом завязался воздушный бой. Дема дрался на своем «яке» с «Мессершмидтами», и задачу свою он выполнил. Сковав боем немецкие истребители, он дал возможность своим летчикам сбить одиннадцать вражеских транспортных машин «Ю-52».

8 мая 1943 года в боях на Кубани две пары «яков» под командованием старшего лейтенанта Липина прикрывали наземные войска на поле боя. Командир пары старший лейтенант Дема на высоте 2000 метров заметил самолет противника. В паре с ведомым атаковал его и, повредив мотор, заставил приземлиться на нашей территории.

Возвращаясь на аэродром, пара Демы встретила в воздухе 12 бомбардировщиков «Ю-88». Леонид не задумываясь бросился в атаку, нарушив строй вражеских самолетов, и фашистские летчики отбомбились там, где их застал бой. Но результат схватки не устраивал Дему. Он решил сбить «Юнкерс», уходивший последним. Догнав немца, Леонид пристроился в хвост, нажал на гашетки, но самолет врага продолжал лететь. Отвалив влево, Дема еще раз догнал фашистский самолет и снова открыл по нему огонь. Лишь после третьей атаки Леонид сообразил, что в лентах у него нет патронов. На фюзеляже вражеского самолета рядом с крестом Дема заметил еще и трефовый туз.

«Асы!..» — и Леонид решил уничтожить их во что бы то ни стало. По-видимому, немцы заметили русского летчика и решили спуститься пониже к земле, затруднить маневр «яка». Не меняя курса, «Юнкерс» уходил на снижение в пологом пикировании.

И снова послушный «як» под хвостом «Юнкерса». Мысль о таране пришла Леониду сразу, как только у него вышел боезапас. Приняв ручку управления на себя, Дема мгновенным ударом пропеллера обрезал хвостовое оперение бомбардировщика. «Юнкерс» перевернулся вверх колесами и рухнул вниз.

«Еще с одним разделался», — удовлетворенно подумал Леонид и вдруг увидел быстро приближающуюся землю. Прыгать с парашютом некогда, и хотя винт «яка» поломан, Дема решил планировать на одну из сопок.

Как произошла посадка — это было в районе станции Неберджаевская, — Леонид Васильевич и сейчас не может вспомнить.

За воздушным поединком наблюдали танкисты, сражавшиеся с противником неподалеку. Они подобрали советского летчика и отвезли в Краснодарский госпиталь.

Оттуда Дему направили на лечение в Ессентуки. Отдых и лечение на берегу Черного моря были прерваны. Однажды пришла грузовая машина и шофер передал Леониду записку. Вот что в ней было:

> «Дорогой товарищ Дема! Некому перегонять самолеты из Краснодара в Белгород. Если можешь, прошу помочь. Петухов».

Записка командира полка обрадовала Леонида. Не пройдя курса лечения, он уехал в полк.

III

После разгрома гитлеровцев в районе Орла и Курска советские войска выходили к Днепру и с ходу его форсировали. Наземные войска, особенно на плацдармах, нуждались в поддержке авиации. Немцы летали авиагруппами по 20—30 самолетов и более. В воздухе ежедневно шли массированные бои.

Однажды Дему вызвал командир полка подполковник Петухов:

— Немцы пытаются столкнуть нас с Бруклинского плацдарма. Нужно прикрыть наши войска. Заместителем к вам назначаю старшего лейтенанта Ветрова.

— Слушаюсь! — ответил Дема и повторил задачу.

Уточнив с Ветровым план действий, Дема инструктировал летчиков:

— Мы делимся на две группы. Ударная — во главе со старшим лейтенантом Ветровым. Моя группа — прикрывающая. Группа Ветрова завязывает бой с бомбардировщиками, а группа прикрытия бьет истребителей. Ударная группа ходит пониже, а моя — повыше. Я иду влево, а Ветров вправо. Встречаемся над квадратом №…

Когда шестерка Демы подошла к точке встречи, шестерки Ветрова не оказалось внизу.

— В чем дело? — спросил Леонид по радио.

— Веду воздушный бой. Ничего не надо, справлюсь, — предупредил Ветров.

Дема подошел ближе и увидел опускающегося парашютиста.

— Наш? — спрашивает Дема.

— Нет, — кричит Ветров и просит не подходить ближе.

Немцы, потеряв истребитель «ФВ-190», уходили с поля боя. Вдруг Дема услышал в наушниках:

— «Звездочка»! «Звездочка»! С юго-запада летят фрицы.

Это пехотинцы предупреждали летчиков.

Дема развернул свою группу на юго-запад и сразу заметил поблескивающие на солнце крылья фашистских бомбардировщиков, летящих в строю углом вперед. «Целая армада», — подумал Леонид.

Гитлеровцы шли на высоте двух-двух с половиной тысяч метров, и Дема пошел на снижение, так как был на высоте трех с половиной тысяч метров.

— Набирай высоту! При наличии истребителей завязывай с ними бой, оттягивай на себя! — крикнул Дема Ветрову и подал своей шестерке команду:

— За мной — в атаку! Фронтом!

Леонид ударил из пулеметов по ведущему, и тот, задымив, упал. Беспрерывно атакуя врага, обе шестерки расстроили боевой порядок вражеской армады, и немецкие летчики, отбиваясь от советских истребителей, стали терять первоначальный курс. У немцев было не менее 90 самолетов, но наши летчики действовали отважно и победили. Все двенадцать «яков» вернулись на свой аэродром.

— Дрались тогда ребята превосходно, — вспоминает Леонид Васильевич. — Три бомбардировщика и один истребитель противника упали на нашу землю, чтобы никогда больше не появиться в советском небе. Командование высоко оценило заслуги истребителей эскадрильи, всех нас наградили боевым орденом Красного Знамени.

IV

В тысяча девятьсот сорок четвертом году в полку, где служил Дема, стажировался командир тылового, сибирского авиаполка майор Н.

Однажды майор Н. высказал летчикам-истребителям свою обиду:

— Стажировка пришла к концу, сделал я десять боевых вылетов, а подраться и не пришлось. Вернусь с фронта. Летчики будут спрашивать: воевали, товарищ майор? Дрались с фашистскими асами? Ну что я скажу?

— Товарищ майор! — звонко воскликнул молодой летчик. — Слетайте со старшим лейтенантом Демой. Он очень везучий человек. Обязательно встретите фрицев. Честное слово.

Через час майор Н. уже стоял перед подполковником Петуховым, прося его о полете с Демой. Вызвали Леонида Дему.

— По вашему приказанию! — доложил старший лейтенант.

— С вами хочет слетать майор Н. Как вы на это смотрите?

— С удовольствием, — сказал Леонид и глянул в сторону майора, довольно плотного человека лет сорока двух.

— Как полетите? — спросил Петухов.

— Я предлагаю майору лететь ведущим, мне ведомым.

И не успел Дема закончить, как майор обидчиво возразил:

— Вы еще молоды учить и предлагать старшему.

— Товарищ майор, — вмешался подполковник, — старший лейтенант — опытный летчик, когда будет нужно — подскажет, прикроет вас в бою. Но я не настаиваю. Последнее слово за вами.

— Пусть старший лейтенант идет ведущим, а я ведомым, — заключил майор Н.

И только поднялась пара «яков» в воздух — навстречу летят шесть «Мессершмидтов». Драка началась сразу.

— Я оглянулся назад и заметил своего ведомого почти на хвосте моего «яка», — не без горечи вспоминает Леонид Васильевич. — Кричу по радио: «Майор Н., отстать немножко! Немцы бьют по мне — попадут в тебя!»

Да куда там! Прилип. Нажимаю на гашетки, бью по фашистским молодчикам и думаю, только бы не зацепили они моего «подшефника». Позор падет на мою голову, а стало быть, и на полк. Скажут, не уберегли стажера.

Бились мы отчаянно. Боялся я за майора, а тот, очевидно, был ошеломлен боем и продолжал держаться своей тактики.

Схватка с шестью истребителями врага результатов не давала. Боеприпасы иссякли, горючее на исходе, и я решил выйти из боя. Немцы нас не преследовали, — закончил свои воспоминания Леонид Васильевич.

Но при посадке самолет Демы взорвался и загорелся. Очевидно, вражеский снаряд попал все же в «яка» ведущего. Самолет упал на дорожку аэродрома. Пока прибежали люди и освободили пилота из-под горящих обломков, у Леонида обгорело лицо, грудь и ноги. Как он остался жив! Ведь удар о землю был потрясающим!

Лечили Дему в Московском Коммунистическом госпитале. Только через четыре месяца Леонид открыл глаза. А когда прошло еще четыре месяца, старичок-врач, лечивший Дему, мягко, но определенно сказал:

— Завтра на комиссию. Вы, батенька мой, отвоевались, отлетали свое.

Леонид стал упрашивать оставить его в строю, но врач был

неумолим.

— Вы Герой Советского Союза. Вы заслужили отдых, хорошую пенсию, а войну и без вас закончат победой.

Леониду Деме аккуратно заполнили историю болезни. Дрожащими руками держал он бумагу, на которой было написано, что летчик-истребитель Дема Л. В. уволен из Советской Армии по чистой со снятием с учета. Слезы застилали глаза. Вспомнилась вся жизнь, от ворот паросилового цеха Магнитки до последней драки с фашистскими стервятниками.

— Идти на пенсию в 26 лет? Никогда! Нет, я еще докажу им, черт возьми…

Твердо решил ехать на фронт в свой полк. Не выгонят.

Две недели мотался Дема по фронтовым дорогам. За 8 месяцев истребительный полк много раз перебазировался, и найти его было не так легко.

…Полковник Петухов удивился появлению Демы. Выскочил из-за стола, обнял летчика.

— Ну как твои дела, Леонид Васильевич! Докладывай.

— Вот мои дела, товарищ полковник, — и Дема подал бумаги.

Петухов долго читал историю болезни, аттестаты отодвинул, не читая. Быстро пробежал последнюю бумагу, помрачнели глаза командира:

— Да, плохи твои дела. Что будем делать, товарищ Дема?

— Летать, товарищ полковник, прошу вас, как отца родного, — с надеждой еле выговорил Леонид Васильевич.

Петухов молча порвал историю болезни на мелкие клочки и бросил их в маленькую печку.

— Будешь летать, Дема, только не сразу. Ты и сам понимаешь почему. А об этом ни гу-гу, — заговорщицки сказал командир, указав на печку.

Летал Дема сначала на «ПО-2», а через полмесяца пересел на истребителя.

Заместителем командира полка по летной части и закончил войну капитан Дема.

* * *

Отгремели последние залпы войны. Возвратившись на Южный Урал, Леонид Дема пять с лишним лет обучал летному делу советскую молодежь в Гражданском Воздушном Флоте. Служил в Ставрополе и Ново-Кузнецке. Десять лет неутомимо работал на Севере, командуя отрядом ГВФ, водил многоместные

пассажирские и транспортные самолеты. Леонид Васильевич Дема был депутатом Камчатского областного Совета депутатов трудящихся, членом Камчатского обкома КПСС.

«Всегда в строю!» — таков девиз скромного коммуниста Демы.

Сейчас он работает диспетчером Магнитогорского аэропорта. Там я встретился с этим удивительно обаятельным человеком.

На прощанье он мне сказал:

— На фронте мы мечтали о том, как счастливы будут советские люди после войны. Но жизнь оказалась лучше, красивее мечты. Мы хозяева своей земли, своей судьбы. Ради счастья советских людей стоит жить и трудиться всюду, куда посылает нас партия.

ОТВАЖНАЯ ДУША

— Воздух!

— Есть воздух! — привычно повторил Галкин, и, набирая скорость, «И-16» легко оторвался от земли. Галкин любил уходить в светло-голубой простор красивой горкой, так он ушел и сейчас. Михаилу Петровичу Галкину было 23 года, и это был уже далеко известный ас, совершивший более 200 боевых вылетов, считая и 85 вылетов в финскую войну.

В 18 воздушных схватках эскадрильи, при численном превосходстве противника, девять раз Михаил Галкин вышел победителем, уничтожив 8 самолетов противника. В остальных девяти боях он уходил сам и уводил подчиненных без потерь. Это не просто цифры. Это итог бесстрашия, высокого мастерства и

жгучей ненависти к врагу.

Указом Президиума от 27 марта 1942 года Михаил Петрович Галкин был удостоен звания Героя Советского Союза.

А 28 июня 1942 года Михаил уничтожил в одном бою три гитлеровских самолета. Об этом писалось в сводке Совинформбюро. Галкина по полету узнавали не только свои, но и враги. Радисты немецкой ПВО, увидев его самолет, истошно вопили в эфире: «Ахтунг! Ахтунг! В воздухе Галкин!»

И сегодня — это было 21 июля 1942 года, — копируя стиль командира, ведомый Володя Н. умчался за ним, а через несколько минут оба «ястребка», набрав положенный потолок, приступили к патрулированию прозрачного утреннего неба. Оба истребителя стремительно шли над позициями Волховского фронта. Под крылом проплывали леса и болота, ломаные линии окопов с блиндажами и дзотами на открытых полях. На земле не прекращалась стрельба, горели в нескольких местах сосновые рощи, и обломанные стволы деревьев, как частокол, торчали в прогалинах желтоватого дыма, низко стелющегося по земле. Знакомая картина войны.

Михаил привычно оглядывал безбрежный небесный простор. Слух улавливал ровный гул моторов. И вот впереди самолета появились белые пучки — это стреляли немецкие зенитки. Галкин нырнул в сторону и вверх, за ним ведомый, и они мгновенно вышли из зоны огня. «Теперь держи ухо востро», — подумал Володя и вспомнил слова Галкина:

— При встрече с немцем я беру всегда ведущего, а ты неотступно следи за мной, прикрывай мой хвост и вновь нападай.

Володя понимал своего командира эскадрильи: комэск натаскивает его, совсем не оперившегося птенца, и был очень благодарен ему.

Галкин внимательно взглянул на приборный щиток и перешел на вираж. Порядочный полукруг, и машина понеслась в обратном направлении. Вспомнил, как вчера говорил командир полка: «Фашистское командование все еще бредит идеей захвата Ленинграда. Партия приказала снять блокаду города Ленина, и это будет сделано».

— Блокаду снимем, поедете в отпуск, повидаете родных, — всплыли слова подполковника, и Михаил на мгновение закрыл глаза.

Вдруг на горизонте возникли черные силуэты — один, второй, третий…

— Приготовиться к атаке! — дал Михаил сигнал ведомому и с максимальной скоростью пошел наперерез противнику.

Двенадцать «Юнкерсов», поблескивая плоскостями на солнце,

шли на восток, через несколько минут упадут бомбы на советские войска, искромсают родную землю.

Слившись с послушной его рукам боевой машиной, Галкин уже подходил к фашистской эскадрилье. Секунды — и закипел редкий по дерзости бой. Двое русских и двенадцать «Юнкерсов». Немцы открыли огонь, но «ястребок» Михаила уже поразил ведущего стервятника.

Сделав горку, Галкин вновь понесся в атаку. По самолету Михаила били, по меньшей мере, восемь «Юнкерсов», а остальные стреляли по ведомому. Высокая маневренность, хладнокровие и ненависть к врагу помогали двум советским летчикам, и они по-прежнему нападали, а не оборонялись.

Потеряв ведущего, гитлеровцы продолжали полет к намеченной цели, обстреливая галкинский «ястребок», а тот уже не один раз прошивал меткими очередями фюзеляжи, кабины и крылья бомбардировщиков, нападая с безумной отвагой. Прошло минут двадцать. Вражеские экипажи, заметно нервничая, все больше отклонялись от первоначального курса и, бросая бомбы куда попало, поворачивали на запад.

Галкин радовался успеху, Володя, еле успевая за ним, повторял любимую поговорку комэска: «Победа или смерть!»

Да, старший лейтенант признавал в бою только этот девиз. Таким он был в многочисленных сражениях раньше, таким был и сегодня, 21 июля 1942 года.

Мелькают в воздухе краснозвездные птицы, ведут тяжелый неравный бой. Бойцы Волховского фронта, видевшие воздушный поединок, горячо аплодировали своим «ястребкам». Какая неодолимая отвага, — двое против сорока восьми человек[1].

Фашисты неистовствуют, а поджечь и свалить советские самолеты не могут. Развязка наступила неожиданно. Михаил Галкин смертельно ранен, и сознание непоправимости на мгновение затмевает его ясный ум… Собрав последние силы, он ведет машину к сосновой роще и падает на темно-зеленый бор.

В октябре воины Ленинградского фронта, продвинувшись вперед, обнаружили в глубоком лесу разломившийся при падении, изрешеченный пулями самолет и погибшего летчика.

В гимнастерке пилота сохранилось удостоверение личности.

— Командир Н. эскадрильи истребителей, старший лейтенант Михаил Петрович Галкин, член ВЛКСМ с 1934 года, кандидат ВКП(б).

И еще одна, совсем недавняя запись:

«Удостоен звания Героя Советского Союза. Указ Президиума Совета СССР от 27 марта 1942 года».

Останки героя перевезли в деревню Гремячево Киришского района Ленинградской области и похоронили в братской могиле. Пришла тяжелая весть на Южный Урал в город Пласт, к старшему брату Н. П. Галкину.

Пластовчане гордились своим героем. За короткий срок они собрали деньги, золотые и серебряные вещи в фонд обороны и попросили Правительство построить на их трудовые сбережения эскадрилью истребителей и назвать ее именем героя-земляка. И понеслись в небо новые истребители, знаменитые «яки», целая эскадрилья с надписью на фюзеляжах: «М. П. Галкин». Однополчане Михаила с гордостью вспоминали славного воина-уральца и с его именем ходили в бой.

* * *

Конец зимы 1960 года. Еду в город Пласт.

Встреча с Николаем Петровичем Галкиным и его супругой искренне обрадовали меня. Объемистый том фронтовых писем, фотографий, вырезок из газет, плакатов, брошюр — все это хранится в семье Галкиных с большой любовью.

— Михаил похож на вас? — спрашиваю Николая Петровича, любуясь его крепкой выше среднего роста фигурой.

— Да, только он был выше, более стройный, и глаза у него были голубые.

Рассказал Николай Петрович один случай, ярко раскрывший красоту души Михаила. Было это в 1938 Году, когда Миша, будучи еще курсантом, приехал из Ворошиловградской летной школы к Евдокии Петровне Обуховой, заменившей Михаилу родную мать.

— Вырос-то как, — поглядывая снизу вверх, ласково восклицала Евдокия Петровна, и от радости материнская слеза упала на гимнастерку Миши.

— У нас, мама, лозунг такой: «все выше и выше», и в песне так поется, — смеясь, говорил счастливый юноша, крепко обнимая мать.

Дни отпуска летели быстро. Пора возвращаться Михаилу, но есть у него думка одна. Миша подсел к родному, самому близкому человеку.

— Евдокия Петровна! Вы мне заменили мать. Пока я жив, никогда не забуду этого и буду помогать всем, чем смогу, но я хочу, чтобы вы меня усыновили, — взволнованно говорил он. — Работа летчика-истребителя связана с некоторым риском… Мало ли что может случиться со мной.

Взаимное уважение, привязанность и любовь как будто бы и не нуждались в юридическом обосновании, но юноша был прав.

Жители Пласта, чтя память Михаила Галкина, одного из первых Героев Советского Союза на Южном Урале, назвали улицу в своем городе его именем.

СЕРЖАНТСКАЯ СЛАВА

I

Как бурное весеннее половодье заливает поймы и долины рек, так и наступление Красной Армии после Курской битвы можно сравнить с вешним потоком, ломающим все преграды на своем пути. Иной день с боями, преследуя противника, полки уходили вперед на десять, пятнадцать и даже на двадцать километров.

Немцы на выгодных рубежах устраивали всевозможные препятствия, минировали дороги, подрывали и сжигали мосты, чтобы хоть на час, на два задержать русских. 76 стрелковая

Ельнинская дивизия сходу опрокидывала вражеские рубежи, и гитлеровцы едва уносили ноги, не досчитываясь многих десятков убитых и раненых.

Далеко забросила война Ивана Еремина, белолицего парнишку из небольшого села Ключевка Троицкого района Челябинской области.

И в такие дни девятнадцатилетний сержант Еремин, задорно оглядывая свое отделение, неизменно повторял:

— А ну, хлопцы, не подкачай. Прижмем паршивому фрицу побитый хвост, наступим на пятки и хана ему.

При подходе к городу Мельницы, на Тернопольщине, дивизия перешла к обороне. Два километра оставалось до окраины, когда рота залегла. Быстро угасал короткий декабрьский день… Над широким, совершенно голым заснеженным полем, изрытым воронками, с воем и свистом летели снаряды и мины. Окраина города, затянутая пепельно-серой дымкой, гудела от разрывов наших снарядов.

— Приступить к отрытию щелей, вправо и влево от воронки, — приказал сержант Еремин, показав рукой на черневшие края ямы.

Лопаты зазвенели о мерзлую землю, отламывались небольшие куски, но работа в опытных руках спорилась.

— Легко сказать, перейти к обороне. Поганый фашист в избе сидит, горячий чай попивает, на гармошке играет, а нам, собачья нога, ни окопчика, ни щелочки не оставил, — бормотал под нос узбек Абдулла.

— Вовсе не чай, а краденый кофий, — поправил Сашка Вахрамов.

Еремин улыбнулся: бойцы настроены хорошо, В яму кубарем скатился посыльный:

— Товарищ сержант! Капитан вас вызывает на свое НП.

— Вахрамов! Остаешься за меня.

II

Капитан неторопливо и четко сказал:

— Задача самая срочная: узнать, что делают немцы в городе. Задание по твоей натуре, только не горячись. Потемнее станет, начинай действовать.

— Слушаюсь. Разрешите идти?

— Исполняйте, донесения через каждый час.

Стало совсем темно, и окраину города уже не было видно.

Мельницы обходили слева. Огонь противника стихал. Шли

осторожно, растянувшись в цепочку. Отделение в полном составе, все девять человек. Василий Игнатенко, как всегда, с ручным пулеметом, у остальных автоматы.

— Выйдем на западную окраину, засаду устроим, — шепнул Еремин Саше Вахрамову, шагающему рядом. Вахрамов ответил так же шепотом:

— Главное — обойти, забраться в укрытие, а там можно и сцапать кого-нибудь.

Часам к двенадцати ночи вышли к концу улицы, упирающейся в поле, и залегли.

Разведка установила, что это и есть западная окраина.

Тишина в городе настораживала.

«Надо действовать решительно, но умело», — вспомнил Иван указания ротного командира. Но как? Вот вопрос.

Отделение лежало на огороде вдоль плетня. Левый фланг упирался в сарай, за которым чернел маленькой стопкой дом. За небольшой прогалиной чуть видно еще один дом. Правее сарая еле просматривалась площадка, как потом оказалось, городская площадь. Неожиданно бойцы услышали со стороны площади разговор.

— Послушай. По-моему, галдят немцы, — шепнул Еремин Абдулле, хорошо говорившему на немецком языке.

На площадь выходили группами немецкие солдаты, без опаски курили, довольно громко разговаривали.

— Собираются уходить, — прошептал Абдулла. — Жаль, не видно, сколько их. Ругаются, кого-то ждут…

— Вахрамов, бери с собою пять человек. И быстро ползи на ту сторону улицы. Игнатенко и Абдулла со мной… Огонь по моему сигналу…

Сашка махнул рукой, и за ним, как тени, исчезли автоматчики.

— Игнатенко, давай пулемет. Бери мой автомат и как можно быстрее к старшему лейтенанту. Скоро начнется драка! Ясно! — приказал Еремин.

…Теперь секунды Ивану казались минутами. Напрягая зрение, он смотрел в сторону площади, но там только изредка мелькнет папироска, а шум то поднимется, то стихнет совсем.

— Фрицы строятся, — шепнул Абдулла, — сейчас двинутся, только куда — неизвестно.

Еремин молчал. Он решил не выпустить немцев в поле, а разделаться с ними здесь, на площади. Вдруг немцы пошли по улице на выход в поле.

Длинной очередью из ручного пулемета Еремин резанул немецкий строй на близкой дистанции. Колонна распалась.

Фигуры метнулись назад, другие чернели на снегу. Ночь скрывала потери врага, но Иван с волнением думал о другом: «Если гитлеровцев в городе много, отделение возьмут в клещи, и тогда будет бой до последнего патрона. Хорошо, если рота подойдет вовремя».

Придя в себя после неожиданного удара, гитлеровцы открыли сильный огонь из пулеметов и автоматов вдоль улицы и по огородам. Минут через двадцать, развернувшись в цепь, они снова пошли через площадь, к окраине города. Встречаемые с двух сторон пулеметно-автоматным огнем, немцы откатывались назад и снова бросались в атаку. Время шло, а посыльный не возвращался. Иван решил применить последнее средство.

— Абдулла, кричи громче, что немцы окружены и сопротивление бесполезно. Пусть сдаются, бросают оружие и отходят на середину площади.

Гитлеровцы прекратили огонь. Они совещались и не спешили.

— А ну, повтори громче. Вишь, притихла немчура, — инструктировал сержант своего незаменимого переводчика, но Абдулла не успел. Гитлеровцы открыли яростный огонь и снова перешли в атаку.

Наконец появились старший лейтенант Еж и командир батальона. Рота подходила к окраине, спеша на выстрелы.

— Правильно действуешь. Молодец, — благодарил капитан Еремина. — Продолжайте драку, мы их все равно не выпустим отсюда.

Комбат быстро исчез в темноте.

Немцы еще раз отступили. На этот раз дело дошло до ручных гранат.

— Скажи ты этим дуракам: пять минут на размышление, на шестой минуте полный капут! — горячился Еремин.

Узбек передал приказ в точности.

Первым бросил оружие офицер. Все отошли на середину площади, как требовал приказ русских. Еремин со своим отделением окружил немцев. Пленных обыскали. Оружия ни у кого не было. Конвой батальона увел в тыл дивизии сто пятьдесят немцев. Трофейный список 93 гвардейского стрелкового полка пополнился полутора сотнями автоматов, винтовок и пулеметов.

А утром перед строем батальона капитан объявил:

— Стрелковое отделение сержанта Еремина пленило фашистскую роту. Это беспримерный подвиг советских воинов-патриотов. Всех бойцов отделения представляю к правительственным наградам.

III

Немецкие части, измотанные и потрепанные в предыдущих сражениях, предпринимали отчаянные попытки, чтобы задержать катящийся за ними русский вал к границе Польши. И однажды ельнинцам пришлось еще раз перейти к обороне.

Окопы роты Ежа пересекали черными извилинами небольшое ровное поле. Сосновый лес за нейтральной зоной противник использовал для прикрытия боевой техники. Иван поглядывал на лесок с опаской.

— Не зря палять фрицы с раннего утра. Як скаженни, палять и палять, — заметил Игнатенко, поправляя пулемет. Ему хотелось поговорить с командиром отделения, но Еремин внимательно осматривал поле, опушку леска и в разговор не вступал.

— А по-моему, немцы собираются драпать, вот и палят, — заговорил Абдулла.

— Наблюдать всем за лесом, — строго предупредил сержант. — Не нравится мне эта поганая рощица. Игнатенко, ты не забыл противотанковые гранаты?

— Все на месте. Пять штук под рукой.

— В случае чего…

Еремин не успел договорить. Из-за рощицы выкатилось несколько тяжелых танков. За ними ползли, подпрыгивая на неровностях, легкие танки. Обтекая лесок, шла немецкая пехота, развернутая в цепь.

— «Тигры»! «Тигры»! — раздалось несколько голосов.

Огонь дивизионной артиллерии усиливался, но противник, не замедляя движения, приближался к окопам. Танки вели огонь с ходу. С бруствeров сыпалась земля.

До немцев было не дальше четырехсот метров, когда Еремин заметил, что два «тигра» повернули вдоль окопа, к малозаметному бугорку, где была землянка командира роты Ежа.

Чье-то отделение выскочило из траншеи и побежало назад. «Неужели рота отходит, — пронеслось в голове. — Нет, этого быть не может. Бросить окопы сейчас — верная гибель».

Иван, не замечая людей, бежал по окопу к землянке командира роты с противотанковыми гранатами в руках.

— Сержант, куда ты? — услышал он окрик Ежа. Поравнявшись с «тигром», Еремин бросил связку гранат и на мгновение закрыл глаза. Сильно рвануло воздух. «Тигр» остановился, а Еремин уже бежал к другому танку. Когда до него было не более тридцати метров, Иван выскочил из окопа и метнул под гусеницу вторую связку гранат. Что было дальше, он вспомнил не сразу. Взрывной волной его отбросило в сторону. От

контузии в голове большой шум. Подниматься нельзя… Огненная кутерьма страшная… А на краю окопа стояли подбитые «тигры».

Атака не удалась, и немцы попятились назад. Вечером «тигров» отбуксировали в тыл дивизии, а утром советские воины снова перешли в наступление.

IV

Первого апреля 1944 года наступление батальона уперлось в жесткую оборону… Бойцы отделения Еремина один за другим выбывали из строя.

Схватив ручной пулемет тяжело раненного пулеметчика, Еремин бежал в цепи поредевшей роты. В разгаре боя не сразу почувствовал, что у него болит левая нога. Он бежал и бежал, изредка залегая, чтобы послать в отступающих фашистов десяток пуль. Когда в сапоге захлюпало, он понял, что ранен. Но полк успешно продвигался вперед. «Дотяну до конца», — думал Иван. И снова сержант бежал, пока осколок не ударил в колено правой ноги. Еремин упал на бегу.

Он отполз немного назад и опустился в дугообразную щель. В какое несуразное положение попал! Два ранения за одну атаку. А рота наступает. Интересно, далеко ли она продвинется. Совсем мало солдат в строю…

Осколки сильно жгли ногу. Порвав нательную рубашку, Еремин сделал перевязку, но она мало помогла. Взбрела мысль — запеть песню, может, забудется боль и кто-нибудь услышит его. И он пел. Над ним летели снаряды, бой продолжался, а он пел и пел…

Вдруг в противоположный конец щели кто-то прыгнул, Иван оглянулся, это был Вася Игнатенко, недавно назначенный связным к командиру роты.

— Сержант! Как ты очутился здесь? Что с тобой?

— Вася, будь другом, принеси воды, хоть каплю. Понимаешь, горит все внутри. Ноги покалечены, будь прокляты.

Игнатенко мигом притащил откуда-то фляжку воды:

— Лежи здесь. Бегу к командиру. Наступление продолжается.

Настала ночь. Линия фронта отодвинулась еще дальше, а возле щели по-прежнему никто не появлялся. Ноги болели ужасно, давно пересохло во рту. Сковывала непонятная усталость. Иван не помнит, спал он или был в забытьи… Его, конечно, не забудут и вынесут. А в вышине ярко горели звезды, и было совсем непохоже, что где-то рядом война.

Перед рассветом кто-то заполз в щель. Еремин застонал, и его

окликнули. Он не помнит, что говорил. Очнулся в ворохе соломы. Потом пришли санитары и унесли в медсанбат.

Когда Иван Егорович пришел в сознание, вместо правой ноги, выше колена, неуклюже торчал обрубок. В палате напротив его койки сидели старший лейтенант Еж и капитан, замполит батальона.

— Как, сержант, самочувствие? — в один голос спросили офицеры.

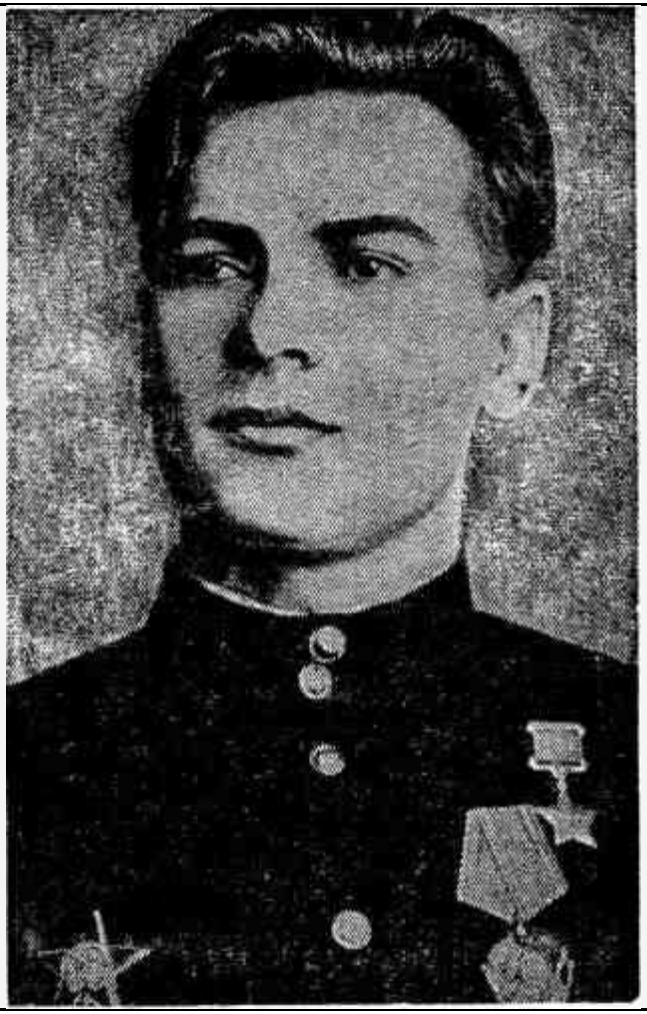
— Что ж, самочувствие. Обезножил я… — и слезы потекли по щекам.

— Поправляйся, Иван Егорович, — тепло сказал старший лейтенант, — а мы будем добивать фашистов. Отомстим за твою кровь.

— За боевые подвиги командование представило вас к званию Героя Советского Союза, — торжественно произнес замполит.

В Троицке на улице Крохмалева под номером 69 стоит маленький чистенький домик, такой же уютный дворик. Там и живет сейчас Иван Егорович Еремин — мужественный солдат, простой русский человек великой нашей страны.

В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ



I

Ломая смерзшийся снег, «Т-34» двигался недалеко от ручья, спрятавшегося под толстой пеленой снега. Впереди, перед деревней Жуково, была немецкая траншея с еле различимыми дзотами. Бой для танковой роты сложился неудачно. Три танка немцы подбили, а остальные отошли на исходную позицию.

Радист-пулеметчик младший сержант Виктор Чернышенко только что занял место тяжело раненного наводчика и зарядил

пушку. Поспешив, послал снаряд выше дзота и виновато подумал: «Промазал».

Чернышенко ударил еще раз — от дзота полетели куски наката и комья земли.

Танк замедлил движение и, когда до траншеи оставалось не далее 40 метров, остановился. Чернышенко выстрелил еще раз, и снаряд расшвырял бегущую к деревне группу немецких солдат.

Тем временем гусеницы машины буксовали, мотор надрывно ревел, но танк уже сел днищем в болотине и не мог двигаться.

Гитлеровцы вновь заняли брошенный окоп и перешли в контратаку, но экипаж танка и подбежавший взвод автоматчиков прогнали их снова в окоп.

Из-за Жуково били минометы, и хотя зимний день короток, противник еще три раза пытался окружить застрявший танк и автоматчиков.

…Длинна и холодна декабрьская ночь. Ушел на розыски своих командир танка. Связи с ротой и штабом бригады нет со вчерашнего утра. Виктор штурмует эфир, но в треске и шуме чужих раций его не слышали те, кого он страстно искал.

Вернулся с печальным известием командир:

— Бригада отошла. Кругом следы гусениц, подбитые и сожженные машины — немецкие и наши.

Ночью гитлеровцы вновь попытались окружить русских. Тяжело ранило командира танка и нескольких автоматчиков. Их перевязали, но с отправкой в тыл медлили.

— Обстановка запутанная, — говорит сержант, командир взвода автоматчиков.

Но Чернышенко не согласен:

— Я предлагаю раненых отнести в тыл и автоматчикам отойти к своим.

— А как же вы? — спросил сержант-автоматчик.

— Мы с механиком-водителем останемся. Нам покидать машину нельзя. Боеприпасов полно, НЗ продовольствия есть, рация исправна, так что день-два продержимся, а там и наши подойдут, — спокойно ответил Виктор.

Автоматчики ушли перед рассветом и унесли раненых.

— А все же веселее было с пехотой, — простуженным баском проговорил старшина механик-водитель. — Фрицы наверняка пожалуют в гости. Туговато нам будет двоим-то.

— Отобьемся. Зато и выручка придет. Наблюдай за противником, а я попытаюсь установить связь.

Одев наушники, Виктор привычно повторял:

— «Тополь»! «Тополь»! Я «Береза». Как слышишь, отвечай! — Но «Тополь» молчал.

— Немцы! — крикнул старшина.

Виктор прильнул к прицелу. В утренней дымке еле различимы фигуры на снегу.

— Подпустим поближе и угостим из автоматов.

…Потеряв несколько солдат убитыми, немцы отошли. Вероятно, они рассчитывали, что танкисты спят или, бросив танк, ушли.

Когда все стихло, старшина открыл люк и полез.

— Куда ты? — Чернышенко вздрогнул от неожиданности.

Старшина не успел ответить: его убили пулеметной очередью. Стреляли из подвала домика с синими окнами. Двумя снарядами Виктор уничтожил пулеметное гнездо и закрыл люк. Гитлеровцы притихли. «Перед атакой», — подумал Чернышенко и подсчитал снаряды.

Шли третьи сутки. Тоскливо одному в танке в окружении врагов. Младший сержант вновь одел наушники… Настойчиво вызывал «Тополь», верил: откликнется кто-нибудь из своих. Сохло во рту. Бесконечный односторонний вызов надоел. И вдруг Виктор услышал ответ:

— «Береза»! Я тебя слышу хорошо. Машину не бросать! На помощь выслан Алексей Соколов.

— Где находитесь, где рота?

Но «Тополь» снова исчез, и связь оборвалась так же неожиданно, как и началась.

II

Под вечер Чернышенко услышал артиллерийскую стрельбу, а вскоре ветер донес знакомые звуки танковых моторов.

— Идут! — крикнул он от радости и выстрелил из пушки, давая знать о себе.

Наступил вечер, а к танку так никто и не явился. Радость сменилась разочарованием. Почувствовав усталость и голод, Виктор вспомнил, что он ни разу не ел за трое суток. Вещевой мешок оказался на днище танка, наполовину в воде. Буханка хлеба раскисла. Сахар растаял. Лишь блестели две банки мясных консервов. Утолив голод, Чернышенко положил хлеб в нишу рядом с гранатами. «Пусть подмерзнет», — подумал он.

И снова суровая ночь, и снова тоскливое ожидание. Сегодня еще больше клонило ко сну. Только теперь Виктор почувствовал, как одеревенели его ноги, точно налитые свинцом. Валенки давно намокли. Трое суток в воде…

Ступая с ноги на ногу, Виктор разогревал их, досчитал до

двух тысяч шагов, сбился. Чавканье ледяной воды одуряло монотонностью. Коснулся рукою брони. Уральская сталь кольнула стужей, пальцы прилипли к броне.

Еще одна ночь без сна и новый день, наполненный ожиданием. Соколов не являлся, и Чернышенко, теряясь в догадках, решил: «Погиб парень».

Лишь под утро пятого дня в корму танка, кто-то постучал. Виктор не спал.

— Я свой! Соколов! Открой люк.

Чернышенко обрадовался, а ноги не идут. Еле выбрался на башню.

— Залезай поскорее, — приглашал он шепотом старшего сержанта.

— Ранили меня, сволочи, в ногу, — выругался Соколов. — Понимаешь, идти нисколько не могу. А ты один?

— Один. Почему отошли наши? — допытывался Виктор.

— Немцы перешли в наступление, ударили будто бы на Невель, правее нас.

Виктор подал Соколову консервы и хлеб:

— Поешь, а я осмотрю кругом. Фрицы подтянули противотанковое орудие.

Еда оживила Соколова, и он рассказал, как они вдвоем с наводчиком пробирались на выручку.

— Моего наводчика убили, он умер, не приходя в сознание. Мне по ноге садануло. Еле дополз. Кровь хлещет из раны. Рубашку на бинты изодрал, руки замерзли, пока перевязывал ногу.

III

Давно съедены все продукты. Мало осталось гранат, патронов и всего четыре снаряда.

Сержанты крепились. Соколову было особенно тяжело. Рана загноилась. Поднялась температура. Первые дни он помогал отбиваться, а вот уже четвертый день в забытьи. Очнется, откроет глаза и подолгу молчит…

— Эй, русс! Сдавайся! — каждый день кричат немцы. — Дадим хлеб и горячий кофе.

— Виктор! Подошли наши? — очнулся Алексей. — Я слышал стрельбу.

— Да, да, была канонада. Наверно, бригада подходит, — и Чернышенко опустил глаза вниз.

Вражеский снаряд угодил в борт танка, и осколок брони

ранил Соколова в руку. Стиснув зубы, Виктор еле перевязал его, пальцы совсем окоченели, а немец садит снаряд за снарядом. Встал к орудию. Голова кружится, тошнит. Разыскал немецкую пушку и со второго снаряда заставил ее умолкнуть.

Прошли одиннадцатые и двенадцатые сутки осады. Виктор забыл, какое сегодня число. Почему-то вспоминались забавные картины далекого детства, родная Донецкая область, село Александровна… Алексей изредка стонет.

Немцы опять бьют из орудия по башне танка, но башня действует по-прежнему. Предпоследним снарядом младший сержант подбил вражеское орудие и опустился на сидение.

— Алексей!

Соколов молчал. С трудом дотянулся, нащупал пульс. Жив! И вдруг Чернышенко отчетливо услышал канонаду. Артогонь все слышнее и ближе. Чернышенко встал. Обмороженные ноги подкашивались. Посмотрев в триплекс, увидел падающий пушистый снег. Шел первый день 1944 года, но он не знал об этом.

— Алеша! Алеша! Наши! — ему хочется кричать, но не хватает сил. Неужели не слышит Соколов. И Виктор стал тормошить его.

— Стреляй! — проговорил Соколов, не открывая глаз…

— Последний снаряд, Алеша, запомни.

Грохнул выстрел по Жуково, и в танке наступила тишина.

…Когда у застрявшего на болоте танка появились первые пехотинцы, они увидели вмятины, царапины и пробоины на броне и кучи желтых гильз на снегу.

Бойцы вытащили из танка обоих сержантов, потерявших сознание.

— Вот какие люди сражались здесь! — изумился русоволосый ефрейтор, снимая шапку.

Спасти жизнь Алексея Соколова врачи не смогли, он умер в медсанбате. Чернышенко отправили в Свердловск. Майор медицинской службы Фундылер сделал ему операцию на обеих ступнях, не допустив ампутации ног.

За доблесть и отвагу при исполнении воинского долга Правительство присвоило звания Героев Советского Союза Виктору Чернышенко и посмертно: Алексею Соколову.

* * *

Инвалидность не помешала бывшему воину работать и учиться. Виктор заочно окончил юридический институт. С тех пор

все послевоенные годы Чернышенко работает в Челябинском областном суде, а с 1964 года — председателем народного суда Центрального района.

Однажды, отвечая однополчанам, Виктор Семенович писал:

> «Тринадцать суток мы были в осажденном танке. Смерти не боялись, но и погибать в 19 лет не хотелось. Мы знали, что помощь придет, и мы не ошиблись… Это и поддерживало наши силы».

РАЗВЕДЧИК БОРИСОВ

I

Везде пройдут разведчики. Они прокладывают тропы к переднему краю, бесстрашно ползут через минные поля, забираются во вражеские траншеи, ищут и ловят «языка», рискуя своей жизнью.

Так и сегодня. Схватив автомат, на ходу закинув его на плечо дулом вниз, молча выходили бойцы из землянки, как всегда собранные, готовые к самой тяжелой работе. Надо пробраться к немецким окопам. Перед разведчиками минное поле. Уже обезврежены первые мины. Немцы караулят всю ночь, освещают

ракетами поле.

«Сегодня ракеты падают чуточку правее, и это хорошо, — думает Георгий Борисов, подползая под нижнюю проволоку. — Эти дьявольские ракеты хуже мин. Немцы нащупают ракетами подозрительный бугорок на местности и такой тарарам подымают, будто их тащат в преисподнюю».

И вдруг небо над группой захвата раскололось, запрыгало, одна за другой пущенные ракеты осветили разведчиков, и только проволока заграждения помогла пролежать несколько секунд незамеченными. Разведчики замерли, распластанные на изрытой земле.

Свинцовый ливень все гуще. Пули цокают, противно визжат над головой. О внезапности нападения и «языке» нечего и думать.

…Усталые и злые возвратились разведчики в землянку. Молча опустился Георгий Борисов на глинистый пол, покрытый измочаленной соломой. Сунул под голову вещевой мешок и автомат… Десятки бессонных ночей не принесли удачи… Почему?

— Не спите? — спросил Борисов ворочающегося с боку на бок командира взвода Гончарова. — Капитан, наверно, опять ругал?

— Нас не ругать, а бить надо, — зло ответил лейтенант.

— Растяпы мы, а не разведчики. На своей земле и стены помогают, а у нас все не как у людей, — печально проговорил старший сержант Гришин, командир второго отделения.

— Да, «языка» брать не так надо… — заметил Борисов. — У нас, на Южном Урале, охотники ловят лис днем, а не ночью. А лиса похитрее фрица.

Разведчики загалдели. Гончаров не вытерпел, приказал спать.

Через сутки, в ясный солнечный день, две группы захвата по четыре человека в каждой ползли к оврагу. Отдышавшись на дне оврага, разведчики незаметно, а главное, неожиданно для немцев подобрались к минному полю, и уже Борисов насчитал сорок выброшенных и обезвреженных мин. Все шло гладко. Пригретые солнышком, гитлеровцы дремали у пулеметов после тревожной ночи, не ожидая русских.

Правой группой командовал Гришин. Она продвигалась прямо на пулемет. Левая группа во главе с Гончаровым ползла левее и тоже к пулемету. Как схватил Гришин клевавшего носом пулеметчика, Борисов не видел, потому что в это же время с противотанковой миной в руке лейтенант Гончаров подскочил к блиндажу и закричал:

— Эй, вы! Вылазьте, пока целы!

Из блиндажа вышел побледневший немец с плащом на руке.

Удача прибавила сил. Обоих пленных очень быстро

доставили в штаб дивизии. Лейтенант ликовал. Бойцы, мокрые от бега с порядочной ношей, улыбались, шутили.

«Языки» пригодились. Сведения о подготовке немецкого наступления подтверждались.

II

Однажды под Новоград-Волынском в апреле 1944 года помкомвзводу Борисову, чью грудь украшал орден Славы III степени, полученный за привод «языка» на Курской дуге, удалось захватить здоровущего немца. Еле притащили его в штаб.

Немецкие части отступали, но «язык» был нужен как воздух.

То и дело натыкаясь на трупы, разведчики шли по траншее, полукругом охватывающей деревню. Немцев не видно, и Борисов беспокойно поглядывает по сторонам. Вдруг из лесочка показался человек. Георгий насторожился. Предутренний рассвет не позволял определить, кто это, немец или русский. Борисов выскочил из траншеи, схватил человека и в тот же миг вместе с ним спрыгнул назад. Это был гитлеровец. Его обыскали. Георгий взял записную книжку в кожаном переплете. Мелким почерком исписаны страницы, и цифры, и цифры. Сунул ее в карман шинели.

На допросе пленный ничего не сказал. Одетый в солдатскую форму, изрядно заросший рыжеватой щетиной, немец ответил, что он рядовой солдат, только вчера прибывший в часть.

Георгий пристально вглядывался в своего «крестника», внимательно слушал переводимые ответы.

Пленного решили отправить в тыл. Тогда Борисов вытащил записную книжку и подал переводчику. Пленный сразу опустил глаза. Прочитав несколько листочков, переводчик спросил:

— Ваша? Зачем солдату такие сведения? Количество рядовых, капралов, унтер-офицеров, офицеров? Номер дивизии?

— Я ничего не записывал, это не моя книжка, — попробовал он солгать.

Командир дивизии подполковник Орлов, слушая показания, понял, что перед ним переодетый офицер.

— Дай-ка ему понюхать стенку, — крикнул он переводчику. — Нечего баланду разводить с негодяем!

И немец признался, что он юрист и что солдатскую одежду снял с убитого.

Записи в книжке раскрыли огромные потери дивизии.

Немца срочно отправили в штаб корпуса.

Через несколько дней Борисову торжественно вручили орден

Славы II степени за привод юриста.

III

Как-то взвод Гончарова проник к немцам в тыл на восемь километров. Избушка лесничего, стоявшая одиноко, очень пригодилась.

Лесничий, мужчина лет под пятьдесят, охотно рассказал, как пройти к ближайшей деревушке, занятой немцами.

Лейтенант повел взвод дальше. Вскоре дозор встретил трех русских, идущих из деревни. Когда ядро взвода поравнялось с ними, разведчики невольно обратили внимание на мужчину в черной, широкополой шляпе и в таком же черном, длинном пальто. Вероятно, это был поп.

Встречные подтвердили, что деревня занята немцами, а сколько их там, они не знали.

Вскоре дорога повернула вправо, деревья стали реже, и взвод подошел к опушке, откуда хорошо была видна деревня. Но только Гончаров поднялся с земли, как по нему загремели выстрелы. Немцы стреляли не только из деревни, но и сзади, а это было похоже на ловушку. Стало ясно, что немцев кто-то предупредил.

Завязался невыгодный бой. Три ручных пулемета и 28 разведчиков открыли огонь. Лейтенант скомандовал отходить. Не менее 150 гитлеровцев, поддержанные минометами, старались сомкнуть кольцо, перебегая от дерева к дереву, стреляя со всех сторон.

Борисов из своего автомата уложил уже несколько немцев. С ним на пару отступал пулеметчик, и они постепенно отбились от взвода, прикрывая отход. Только через двое суток, вырвавшись, наконец, из окружения, они вышли к своим.

А через несколько дней деревню освободили, и жители села рассказали о больших потерях немцев в том бою и о том, как в бессильной злобе издевались враги над русским бойцом — старшиной Зининым, который тяжело раненный остался в лесу.

Поклявшись отомстить, разведчики похоронили замученного и обезображенного Зинина.

От сельчан бойцы узнали, что гитлеровцев предупредил поп, тайком прокравшись лесной тропкой в деревню. Этот предатель в рясе не стал ждать прихода частей Советской Армии. Он бежал вместе с оккупантами.

IV

Разведчики подошли к Висле. Гулкие разрывы оглашали восточный берег широкой реки. Прибрежные кусты, рытвины на берегу и воронки послужили первым укрытием. Было по-осеннему пасмурно.

Тот берег, окутанный голубой дымкой, казался таинственным и неприступным. Внимание разведчиков и передового стрелкового батальона дивизии привлек небольшой островок посередине Вислы. Скоро спустили на воду лодки. Первый эшелон, встреченный ураганом огня поплыл к островку.

Пристав к берегу, бойцы окопались на узкой полоске земли, метров сто пятьдесят в длину и метров сорок в ширину. Полтора часа, проведенные на этой открытой позиции с жалкими кустиками верб, были томительны.

— Лучше бы уж плыть сразу к тому берегу, чем ждать, пока тебя шлепнет мина или снаряд, — ворчали разведчики и пехотинцы.

«Две лодки разнесло в щепки», — невесело подумал Борисов.

А тем временем немцы подтянули артиллерию, огонь усилился. Вечером удалось все же занять западный берег Вислы, и всю ночь шел бой за расширение плацдарма.

Пять суток гитлеровцы переходили в контратаки, по десять-одиннадцать раз в день, но неизменно откатывались назад. Это поднимало дух советских воинов.

— И все эти дни мы не имели нормального питания, горячего глотка воды. Только сахар был, — вспоминает Борисов. — Зато вдоволь было снарядов, гранат и патронов, иначе было бы трудно отбить 50 атак.

На шестые сутки советские части прорвали немецкую оборону, расширили плацдарм, отогнав гитлеровцев подальше от Вислы. Это было недалеко от города Красин.

Нужно было добыть «языка». Георгий — опытный разведчик, ему доверили ответственную задачу. И ночью четверо во главе с Борисовым отправились на выполнение задания. Хлопцы все надежные, обстрелянные, друг друга не подведут. Все добровольцы. Ни встречные пули, ни вспышки ракет, ни мины — ничто не может остановить их.

Сильный ветер и моросящий дождь на руку. Темнота помогла подобраться поближе к огневой точке, и теперь требуется огромное терпение, выдержка и искусство. Не надо спешить. Пусть немцы покрепче уснут.

Под утро четверка ползла попарно, беря пулеметное гнездо в клещи. Борисов схватил немца за горло и сунул ему кляп в рот так быстро, что тот не успел даже пикнуть. Товарищи связала его, бесшумно поволокли. На этот раз «язык» оказался очень

покладистым. Война осточертела ему. Солдат признался: «Дух немцев упал. Война проиграна. Покорял Францию и Бельгию, еще раньше воевал в Польше, но Россия — это орех не по немецким зубам».

V

Вот оно, логово фашистского зверя…

В сорока километрах от Берлина воевал теперь Борисов.

Маршал Конев, приехавший в дивизию, поставил задачу комдиву — любой ценой захватить пленных.

— У немцев паника. Они мечутся, ищут выход из безвыходного положения, и мы обязаны им «помочь».

Капитана Плеханова, командира 130 разведроты, недолго держали в штабе.

— Установить тщательное наблюдение за поведением немцев на том берегу Нейсе и не позднее чем на четвертые сутки взять пленных. Пару-тройку лодок достаньте заблаговременно, да чтобы весла не скрипели, — напутствовал начальник штаба. — Самых расторопных, самых опытных и храбрых подберите на этот поиск. Вся армия будет ждать результатов. Ну-с, дорогой капитан, желаю удачи.

В числе отобранных двенадцати человек оказался и Георгий Борисов.

Реку Нейсе очень быстро переплыли две лодки. Река неширокая, но глубокая, вброд не возьмешь ее. Спрятали лодки. Поползли.

Группа Борисова, пробираясь по немецкой траншее, заметила огневую точку, ту самую, которую наблюдали в предыдущие дни. Одного пулеметчика взяли, а двое убежали и подняли тревогу. Разведчики отошли к реке, немца втолкнули в лодку, забыв связать ему ноги. Немец плюхнулся в воду, и Борисову пришлось нырять за ним.

— Выдать героям-разведчикам бочку спирта, — шутил комдив. — Десять дней отдыха молодцам.

Но через три дня их снова послали за Нейсе. На этот раз группу вести поручили Борисову.

Перед рассветом лодки быстро и незаметно причалили к тому берегу. Как снег на голову, напали разведчики.

Георгий бежал по брустверу, а разведчики по траншее. Любимый и самый, конечно, верный прием — брать немца за голову и не давать кричать. Так Борисов и поступил. Схватив за волосы немецкого пулеметчика, он, однако, не смог его вытянуть

на бруствер. Немец вцепился руками за землю, не оторвать. Товарищи помогли вытолкнуть пленного наверх, и его быстро погрузили в лодку.

А через пять дней войска фронта форсировали Нейсе, нанеся сокрушительный удар с юга.

Берлин пал под ударами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Командование высоко оценило ратные дела старшего сержанта Борисова, представив его к ордену Славы I степени. Мужественному разведчику Георгию Алексеевичу Борисову правительство присвоило звание Героя Советского Союза.

* * *

…Много лет прошло с того дня. Сейчас работает Борисов на Челябинском тракторном заводе в тарном цехе начальником участка. В 1964 году избрали коммунисты цеха Георгия Алексеевича Борисова секретарем партийной организации.

МАСТЕР ОГНЯ

I

Начиналась первая осень суровой войны. Фашистские полчища были уже на подступах к Москве и Ленинграду. Тревожное время, тревожные новости с фронтов.

Из Магнитогорска уходили в Красную Армию молодые рабочие. Был среди них и Степан Токарев — девятнадцатилетний комсомолец. Как хорошего спортсмена-лыжника его зачислили в отдельный лыжный батальон. В батальоне шла усиленная военная

подготовка. Пока не было снега, пешие броски на марше закаляли молодых солдат. Ночные занятия и стрельбы чередовались с уроками физической подготовки. Но подошла скоро холодная зима, выпал снег, и лыжники, как говорится, «сели» на своего коня.

В конце января 1942 года Степан Токарев в бою за деревню Шараповку под Ржевом впервые испробовал свой пулемет «ДП».

А в середине марта группа немцев просочилась по тылам соседей и вышла к позициям лыжного батальона совершенно неожиданно. Находясь со своим пулеметом в боевом охранении, Токарев не знал, что подразделение батальона отошло к железнодорожной линии, идущей на Ржев. Создалась угроза гибели боевого охранения. Прибежавший командир взвода молодой лейтенант распорядился сменить позицию и занять восточную опушку рощи. Больше лейтенанта Токарев не видел.

Бойцы быстро выполнили приказ. Степан по-хозяйски установил пулемет под расщепленной снарядом березой, утоптал возле куста снег, залег и стал поджидать противника. Ждать пришлось долго.

И вдруг сзади, за рощей, послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Все насторожились, заволновались. Бойцы собрались на «совет».

Незнакомый Токареву сержант предложил уйти с опушки на чистое поле, но Степан рассудил иначе:

— Раз в лесу стрельба, значит там не только немцы, но и наши. Предлагаю идти на выстрелы и помочь своим.

Совет молодого пулеметчика понравился, и бойцы двинулись навстречу пальбе. Токарев шагал впереди. Пройдя несколько сот шагов, он увидел на поляне солдат, прячущихся в кустах. По блеску касок он догадался, кто это.

— Немцы! — крикнул Токарев.

— Ну, немцы, — возразил сержант и выскочил вперед.

Пулеметная очередь ударила по группе.

— За мной! — крикнул Степан, уводя бойцов в сторону рощи.

Обогнув поляну, бойцы зашли во фланг стрелявшим, но гитлеровцы уже отошли. Несомненно, это была немецкая разведка.

— Ждать больше нечего. Пошли, — скомандовал Степан. Теперь ему молча повиновался и сержант, поняв, что пулеметчик — толковый парень, не подведет.

Скоро лесок оборвался, и перед тремя бойцами возникла железнодорожная насыпь. На насыпи лежала цепь лыжников, стрелявшая по противнику. Это были свои, Токарев обрадовался: все хорошо закончилось.

Немцы вызвали авиацию, и два самолета, с черными крестами на фюзеляжах зашли вдоль железнодорожной линии. С малой высоты они обстреляли из пулеметов батальонную цепь.

Резкий болезненный укол в правую руку ошеломил Степана. Рука повисла, как плеть. Пальцы разжались, и пулемет упал на снег.

II

В числе двадцати лучших воинов-комсомольцев, на том же Калининском фронте, Токарев стал разведчиком, но и здесь ему не повезло. В ночном разведывательном поиске его тяжело ранило. Товарищи спасли ему жизнь: вынесли из-под огня.

Когда Токарева выписали из госпиталя, он пошел в снайперы. Стрелял Степан метко из любого оружия, и его вскоре назначили командиром отделения станковых пулеметов. Это было грозное оружие в умелых руках. И Токарев полюбил «Максимку», не раз вместе с ним выручал свою пехоту. За отличные успехи Степана наградили медалью «За отвагу». Это была первая боевая награда.

Теперь служба Степана Токарева протекала в пулеметной роте 616 стрелкового полка на Центральном фронте. Он был уже командиром пулеметного взвода.

После боев под Орлом и Курском в июле и августе 194 Краснознаменная стрелковая дивизия, в которой воевал Токарев, наступала на Новгород-Северский. В половине сентября толк форсировал Десну и вышел к окраине Новгород-Северского. Мосты были взорваны, а подступы к бродам заминированы. Ураганным огнем немцы пытались остановить наступление русских, вышедших к реке.

Токарев со своим пульвзводом форсировал Десну. Не успели они окопаться на западном берегу, как на них обрушилась контратака гитлеровской пехоты. Обстановка критическая. Наскоро установили пулеметы вдоль кладбищенской ограды, выходившей к берегу. Степан быстро оценил обстановку. Пулеметный взвод занимал фланговое положение. «Пусть попробуют фашисты пройти к реке!» — со злорадством подумал Токарев.

Пулеметы застрочили, когда до гитлеровцев оставалось не более ста метров. Фашисты дрогнули и побежали назад. Огонь «Максимов» был настолько ошеломляющ, что мало кто из немцев ушел живым. Город Новгород-Северский был покинут противником, подразделения полка заняли его почти без потерь.

В октябре пулеметчики Токарева подошли к городу Рогачеву.

За Рогачев шли очень затяжные кровопролитные бои. Осенняя слякоть сменилась крепкими морозами и снежными вьюгами, и фронт замер на месте. Лишь в середине февраля советские войска из района Рогачева перешли в наступление и 24 февраля освободили его. С захватом Рогачева открывалось новое направление — удар на Бобруйск: Эта была замечательная перспектива, но лишь к концу июня немцы были зажаты под Бобруйском в кольцо, а город Бобруйск освобожден.

За бои под Рогачевым и Бобруйском Степана Кирилловича Токарева наградили орденом Красной Звезды, а за форсирование реки Шара возле города Слоним и сильнейшую огневую поддержку пульвзводом стрелковой роты, что привело к бегству противника, Токарев был награжден орденом. Красного Знамени. Но боевая слава мастера огня и высокие награды не вскружили голову снайперу-пулеметчику.

III

В середине августа 1944 года 194 теперь уже Речицкая Краснознаменная стрелковая дивизия остановилась перед серьезной водной преградой — рекой Нарев.

616 стрелковый полк шел в авангарде, ему пришлось первому форсировать реку.

Сначала был брошен стрелковый взвод (15 человек) с одним отделением станковых пулеметов во главе с Токаревым. Группа зацепится за вражеский берег и с ее помощью плацдарм будет расширен подразделениями полка — таков приказ. Кажется, все очень просто, но кто преодолевал реки под огнем врага, тот знает, как это трудно и каких стоит жертв.

На рассвете взвод начал переправляться на тот берег. Бойцы бесшумно вошли в воду. Нарев — река неглубокая, но довольно стремительная, дно илистое, вязкое. Вброд не перейдешь. Степан плыл, толкая впереди себя камышовый плотик с пулеметом и патронными коробками. Очень помог густой туман, висевшей над рекой и ее берегами.

Противоположный берег появился неожиданно. Немцы заметили русских лишь тогда, когда красноармейцы окапывались. Этот «зевок» противнику обошелся довольно дорого.

Гитлеровцы занимали три деревянные постройки, метрах в 250—300 от берега. Постройки чем-то напоминали скотные дворы. Между ними были вырыты окопы и ходы сообщения. Пулеметный, минометный, автоматный огонь обрушился на советских стрелков и пулеметчиков. Издалека повела огонь

вражеская артиллерия, и берег загудел, застонал от разрывов и треска пуль.

Несколькими минутами позже наша артиллерия открыла ответный огонь. И тут началось… Небольшой клочок земли, занятый горсткой русских богатырей, стал ареной жестокого боя. Бой нарастал с каждой минутой, и весь день гитлеровцы лезли на позицию русских, еле оборудованную для стрельбы лежа… Времени на отрытие окопов не было, приходилось отражать контратаки.

Пулемет Токарева вносил смятение в немецкие цепи. Степан с самого начала боя лежал за рычагами «Максима». Сегодня ответственная задача возложена на него, недавно принятого в кандидаты партии. По пулемету стреляли минометы, из-за скотных двориков его забрасывали гранатами атакующие немцы.

Когда начиналась новая контратака, токаревский пулемет оживал не сразу. Подпуская поближе врага, Степан без промаха косил противника. Восемь раз поднимались в атаку немцы и восемь раз отступали. Пулеметчики, меняя свое место, долгое время оставались неуязвимыми.

…Наконец на землю пала туманная ночь. Где-то впереди раздавались могучие взрывы, вздрагивали окопы. Там краснозвездные самолеты работали по плану командования фронта, уничтожая крупные объекты противника. Они бомбили железнодорожные станции, подготавливая крупную операцию.

Как только вечер коснулся земли, подразделения полка форсировали Нарев и перешли в наступление. Немцы были отброшены от берега на несколько километров.

Утром Степан Токарев и все, кто остался жив от первой ударной группы, осматривали расположение немецкой обороны. Всюду валялись кучи стреляных гильз, соломенные корзины из-под боеприпасов, разбитые минометы и пулеметы. Не менее двухсот трупов врагов лежало на поле боя, главным образом в секторе огня пулемета «Максим».

…Правительство по достоинству оценило подвиг горстки храбрецов. Все они, живые и погибшие, были удостоены высоких наград за беззаветную верность народу, за мужество и стойкость, а Степану Токареву за бои на Наревском плацдарме было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Война еще не кончилась, а Токарева уже послали в военную школу, однако по состоянию здоровья окончить училище Степану

не удалось: четыре ранения ослабили организм.

Еще в детстве из деревни Сергеевка Цюрюпинского района Семипалатинской области приехал Степан в город Магнитогорск. И после войны вернулся Токарев в этот город. С присущей ему энергией ушел в новую созидательную работу.

Заместитель председателя артели «Металлист», заместитель директора школы ФЗО № 30 по политчасти, секретарь парторганизации, мастер метизного завода, начальник смены — на этих ответственных местах работал Токарев.

Неоднократно Степана Кирилловича избирали депутатом районного и городского Советов, членом горкома КПСС города Магнитогорска.

В июле 1964 года Степан Кириллович закончил индустриальный техникум. К званию ударника коммунистического труда прибавился титул квалифицированного техника. Сейчас Токарев работает в шурупном цехе метизного завода начальником смены. Везде, где бы ни работал Токарев, он сполна отдает свои силы и знания народу.

ПАМЯТНИК В СЕЛЕ КОСУВ

I

Есть в селе Косув на Тернопольщине памятник воинам Советской Армии. Освобождая село от немецко-фашистских захватчиков, пали они смертью храбрых.

Было это в мае 1944 года. Немцы укрепились заблаговременно и упорно оборонялись. Только после мощной атаки гвардейских частей, поддержанной артиллерией и танками, позиции врага были прорваны и гитлеровцы обратились в бегство. В том бою и погиб Герой Советского Союза южноуралец Максим Ильич Собко, сержант-сапер дважды Краснознаменного

соединения.

А восемью месяцами раньше в село Бобровку Челябинской области пришло радостное известие жене и детям Собко. Правительство отметило Максима самой высокой наградой — званием Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Тогда Анна Андреевна Собко и получила красноармейскую газету «За победу», В маленькой заметке рассказывалось об отваге ее мужа, отца троих детей. Она и сейчас хранит пожелтевшую фронтовую газету, как реликвию.

…Гвардейское соединение генерала Мельникова подошло к Днепру. Этого часа с нетерпением ждали солдаты и офицеры. Перед ними предстала огромной преградой широкая, многоводная река.

Гитлеровцы отступили за Днепр, надеясь отсидеться за ним, собраться с силами после разгрома на Курской дуге.

Саперное отделение Максима Ильича вышло на берег. Холоден и неприветлив осенний вечер. Прибрежный кустарник еле виден. Пронзительный ветер гонит волну, и она яростно хлещет о берег.

Максим опустил руки в вспененную воду, задел шершавой ладонью мелкую гальку. Удивился: пена теплая и мягкая, как вата.

«Никогда я не пробовал днепровской воды», — подумал сержант и пригоршнями, торопливо черпая ее, пил, пока не утолил жажду. Оглянулся — бойцы отделения тоже припали к воде.

Подошел командир роты.

— Вот здесь, в кустах, товарищ Собко, и будем собирать паром, — громко сказал он. — Вам первому придется переправиться на тот берег и во что бы то ни стало закрепить канат.

Помолчав секунду, старший лейтенант добавил:

— Немец беснуется. Не жалеет снарядов и мин. Ищите побыстрее лодку. От вашего успеха зависит переправа полка. Канат и инструмент поднесут.

Не успел Собко сказать «Слушаюсь!», как начался огневой налет. Рядом рвануло землю. Выбросило широкий куст вместе с землей. На берег обрушились сотни снарядов и мин. Саперы уткнулась лицами в песчаную косу.

— Понимаю, товарищ старший лейтенант, — крикнул Максим. — Все будет исполнено.

Ротный побежал к другим отделениям. Артналет продолжался.

Теперь Собко должен все обдумать сам.

Когда лодку пригнали, конец бухты[2] уже был закреплен за сваю тут же, на берегу. Канат отнесли в лодку. Туда же положили топор, лопату и скобы. Надо было спешить, чтобы хватило ночи для переправы полка, но подгонять некого. Люди и так все делали быстро.

— Все готово. Разрешите начинать, — доложил Собко.

— Ни пуха ни пера, — ласково пожелал командир роты. — Поскорее возвращайтесь.

— Поехали, — крикнул Максим саперу Владимиру Бойцову и оттолкнулся веслом. Лодка качнулась. Бойцов разматывал канат, и тот, падая за кормой, сразу же исчезал в воде.

Максим навалился на весла и старался не думать о вражеском огне, навстречу которому они приближались. Молчал. Только один раз, когда они были на середине Днепра и мина царапнула осколком борт лодки, не вытерпел:

— Не хотел бы я сейчас принимать холодную ванну. Мина явно не наша, — и он еще сильнее нажал на весла.

Бойцов правой рукой разматывал бухту, левой черпал котелком воду и выплескивал за борт. Дырявая лодка попалась, а чинить ее было некогда.

Вглядываясь в темную пелену ночи, Собко волновался. Стрельба, не затихая ни на минуту, гудела над головой. Волной и течением относило лодку, а сил и пота он отдал уже немало, чтобы выдержать направление. Пулеметная очередь по ним и одновременно резкий толчок лодки были неожиданны. В ту же секунду Максим прыгнул в реку.

— Сели на мель. Значит, берег рядом. Ты оставайся здесь и береги лодку, — приказал он саперу и, взяв остаток каната, инструмент, осторожно пошел к берегу.

Он долго искал дерево, чтобы закрепить канат. Немцы не подозревали о такой дерзости русского воина. Трассы пуль и осветительные ракеты изнуряли, но Собко не из таких, чтобы растеряться или скиснуть при первой же трудности.

II

— Задание выполнили, — отрапортовал Максим.

— А я, признаться, начал уже беспокоиться. Стрельба на том берегу, ракеты… А вас нет и нет… Молодцы! От всего сердца спасибо тебе, Собко, и тебе, Бойцов! — Командир роты крепко пожал руки обоим саперам.

Паром, давно готовый к отплытию, покачивался у причала.

Расчет грузил пушку. За пушкой вбежал на паром взвод солдат с пулеметами.

— Отчаливай! — гулко разнеслась команда.

— Есть отчаливать, — повторил Максим. Его саперы вместе с пехотинцами и артиллеристами, потянули за мокрый канат, и паром плавно пошел вперед.

* * *

В ясный февральский день 1961 года постучался я в маленький домик в селе Бобровка. Радушно встретила меня Анна Андреевна Собко.

— У Максима Ильича было безрадостное детство. Еще до Октября родители мужа покинули Украину, поселились в Кустанае, где и родился в 1908 году Максим, — не торопясь, рассказывала Анна Андреевна. — Немного учился Максим: всего два года. Другое дело теперь. Наши дети все в люди вышли. Михаил — капитан Советской Армии. Николай окончил Челябинский политехнический институт и работает в Миассе инженером. Лида окончила десять классов и мечтает о торгово-промышленной академии.

Я перелистываю документы, сохраненные Анной Андреевной. Среди многих бумаг одна особенно взволновала меня.

Машинописная страничка, подписанная генерал-майором Мельниковым и начальником политического отдела подполковником Петровым, гласит:

> «Тысячи вражеских мин, снятых Собко, и десятки построенных при его участии переправ оказали большую помощь наступающим частям. Саперы отделения Собко при форсировании Днепра творили чудеса, круглосуточно переправляя через Днепр войска и технику».

Однополчане писали о преждевременной и дорогой утрате храброго воина, память о котором гвардейцы хранят в своем сердце.

Письма фронтовиков! Страницы героического прошлого. Как они дороги нам, современникам Максима Собко.

Тысячи снятых и обезвреженных мин, десятки переправ, построенных при его участии… Сколько раз Максим Ильич Собко смотрел смерти в глаза.

Нет, такие герои не умирают!

УКРОТИТЕЛЬ «ТИГРОВ»

I

Полк форсировал Дон под вечер. Два орудия батареи переправили на плотах, а два — прикрывали переправу огнем. Орудия с трудом вытащили на берег. Укрыться негде, а гитлеровцы так и садят минами. Еле дождались ночи. Переправили остальные орудия. С трудом наладили связь с пехотой, продвинувшейся вперед. Встали на огневую позицию.

Лейтенант Ульянов был в восторге от огня расчетов. Стреляли с закрытой позиции.

— Разнесли в щепки два немецких блиндажа. Молодцы! —

кричал он по телефону.

…А батарея давно без лошадей. Кони погибли от истощения, осколков и пуль. На пеньковых лямках, а то и просто на руках десятки километров тащили бойцы расчета орудия в грязь и стужу, через поля и овраги. Главное для артиллериста — сберечь орудие. И батарея ни разу не отстала от пехоты.

Однажды ранним утром в разгар январских боев на огневую позицию у деревни Крутики пришла группа женщин. Они остановились около пушки Павла Брякина, с волнением разглядывали бойцов.

— Заждались мы вас, родимые. Горя-то сколько от злодея приняли, — говорили, утирая слезы.

Женщина лет сорока пяти рассказала:

— Жил в моей избе обер-лейтенант. Позавчера со стола у него исчезла пачка сигарет… — Она зарыдала, закрыв лицо руками. — Обер-лейтенант рассвирепел и приказал привести всех ребятишек с нашей улицы… Солдаты приволокли семерых мальчиков, в том числе и моего Витьку… и немцы расстреляли их из автоматов на наших глазах…

Павел стоял напротив рассказчицы и видел ее глаза, полные грусти и слез. «Такие же, как у мамы, серые, красивые глаза», — подумал он. Поглядел на наводчика Якова Табачука, на командира своего орудия Уткина. Артиллеристы скорбно молчали.

В тот день пушки не умолкали, и не было бойца на батарее, кто бы не знал о страшном горе семи матерей.

II

У города Калача войска двух фронтов соединились, и немецкие армии оказались в «котле». Бешеный огонь обреченного врага, разбитые мосты и дороги, глубокий снег, захватывающая дыхание стужа, пустой желудок и смертельная усталость от бессонных ночей не останавливали советских воинов.

Недалеко от тракторного завода полки дивизии ведут горячий бой. Немцы упорствуют, не сдаются. Дрожит земля от взрывов, колышется воздух над развалинами города. Немцы втащили на водокачку два крупнокалиберных пулемета, две малокалиберные пушки и хлещут огнем. Советским артиллеристам приказано уничтожить вражеское гнездо на водокачке. Слаженно работают артиллеристы, да не легко попасть в цель.

Мурашкин бегом подтаскивал снаряды Брякину. Вдруг он

закричал от боли, схватившись за руку: осколок перебил локтевую кость. Брякин подбежал к нему, отрезал рукав шинели, перевязал рану.

— Не успел я отомстить людоедам, — и Мурашкин, закрыв здоровой рукой лицо, заплакал.

Все сосредоточеннее наводит пушку Табачук и снаряд за снарядом посылает в водонапорную башню. Наконец два удачных попадания — и водокачка затихла.

…Пришло время. Окруженные фашистские армии капитулировали. Такого количества пленных Павел еще не видал. Вот ведут колонну солдат и офицеров, согнувшихся, в грязных с поднятыми воротниками темно-зеленых шинелях. Руки засунуты в рукава, глаза опущены вниз.

— И вот от этого сброда бежали в сорок первом году, эх! — заносчиво выпалил младший лейтенант, прибывший неделю назад на передовую.

— Маловато, друг, каши фронтовой ел, поэтому и ошибаешься, — сурово возразил старший лейтенант Жалюк. — От танковых клиньев, от угрозы окружения уходили мы тогда, чтобы вот так разделать их сейчас.

Уныло проходили остатки отборной армии фашистов.

А дивизия, получив гвардейское имя, уходила под Воронеж.

III

Походным порядком шли гвардейцы к Курску.

Ползли упорные слухи о новых немецких танках: «тиграх» и «пантерах». Гитлер грозился дать реванш за Волгоград.

— Что это за «тигр»? — допытывался Брякин, теперь уже ефрейтор, награжденный медалью «За отвагу».

— Немецкий «тигр» длиннее амурского, и шкура сантиметров на двадцать потолще, — ответил Жалюк.

Все засмеялись.

— Поживем, увидим, не горюй, Брякин!

Позднее на Полтавщине, под Михайловкой, Павел увидел их.

Село переходило из рук в руки несколько раз, и все же советские воины удержали его. Ночь ушла на окапывание орудий и боеприпасов, на отрывку щелей. Утром немцы пошли в контратаку. Из-за высот выползли танки и артиллерийские самоходы. За ними густыми цепями шла пехота, закрыв все поле темно-зеленым сукном. Обозленные вчерашней неудачей, немецкие офицеры гнали солдат в психическую атаку, но с каждым метром цепи редели, темп наступления падал, и атака

захлебнулась.

В разгар боя тяжело ранило Якова Табачука, и на его место встал Брякин. С того дня и стал Павел наводчиком 76-миллиметрового орудия.

На следующий день гвардейцы перешли сами в наступление, продвинулись километров на семь, захватили Михайловские высоты, но сильнейшей контратакой тяжелых и легких танков противник вынудил гвардейцев отойти к Михайловке.

В этом-то жестоком бою наводчик Брякин схватился с «тиграми».

Получилось так, что батарея приняла на себя главный удар. Четыре «тигра» обошли огневую позицию и показались в тылу, а с фронта лезли другие танки. Создалась смертельная угроза. Вот-вот будут подавлены пушки и прислуга. Дрожит земля под ногами. В воздухе стоит артиллерийская и пулеметная какофония. Прильнув к орудию, Павел бил по вражеским машинам.

Командир орудия, как и наводчик, не теряя присутствия духа, постоянно заставлял менять направление огня, потому что немцы подступали со всех сторон.

— Развернуть орудие! — кричал сержант, и Брякин, поймав цель, ударил в командирскую башенку. Вторым снарядом он поджег «тигра», и тот мгновенно окутался черным дымом.

Соседнее орудие также подбило «тигра», и на поле боя запылали вражеские машины. Немцам пришлось снова отступить.

В том бою Павел уничтожил двух «тигров» и несколько немецких солдат. Когда улеглось волнение, замковый, молодой боец из вчерашнего пополнения, радуясь, что фашистов побили, потихоньку сказал:

— Ловко ты укротил «тигров», Павлуша, а я уж думал — труба нам будет.

— Волновался сильно… Поэтому первый раз и ударил высоко, — ответил Брякин. — Понимаешь, не приходилось встречаться с ними, а они и в самом деле подходяще сделаны, видал?

Товарищи кричали Брякину «ура», поздравляли с успехом.

С тех пор и прозвали Павла «укротителем». Даже в армейской газете писали об этом.

IV

В семи километрах южнее Киева на западном берегу Днепра есть село Ульяники. Напротив этого села ночью бойцы

форсировали Днепр.

Артиллеристы торопливо вязали плоты, а пехота плыла уже сквозь густую завесу огня к тому берегу.

Подошло полсотни машин с полупонтонами, саперы быстро собрали паромы, и орудие Брякина с парой лошадей поплыло к западному берегу. Только отошли от берега, немецкая мина ранила заряжающего и замкового. «Опять трое в расчете, — подумал Павел, — не везет!» На середине реки пулеметная очередь свалила коренника, убитого коня столкнули за борт.

Причалили к берегу. Течением отнесло паром на метров пятьсот правее. Потянули орудие туда, где шел бой.

Подразделения полка, как и подобает гвардии, мужественно отбивали контратаку противника. «Долго, очень долго не можем занять мы огневую позицию, пехота обливается кровью», — с болью думает Брякин.

— Стой! — крикнул командир орудия.

Пушку сняли с передка, и ездовой погнал лошадь к реке. Орудие развернули в одно мгновение, и Павел с необыкновенным проворством наводил орудие стволом на вспышки немецких пулеметов и минометов.

— По гитлеровской банде огонь! — кричал командир.

Где-то сбоку стреляло еще одно орудие, а потом и третье загрохотало. И до самого рассвета артиллеристы отбивали немецкие контратаки. А с рассветом напор гитлеровцев усилился.

— Ни шагу назад! — прозвучал приказ командира полка.

С восточного берега Днепра била наша артиллерия, и ее огонь поднимал дух поредевшего десанта. Каждый понимал, что, если придется драться и десять суток, гвардейцы не уступят фашистам и пяди отвоеванной земли. Немцы уже не раз откатывались на исходную позицию.

За время утренних контратак Павел подбил четыре танка, в том числе одного «тигра» и три бронетраспортера.

Гитлеровское командование не теряло надежд на успех и, меняя направление, увеличивало силу ударов на небольшой плацдарм. Стянув с соседних участков пехоту, артиллерию и танки, немцы во второй половине дня снова перешли в решительную атаку.

…Выбыли из строя командир орудия и лейтенант Сергунин. Брякин возглавил орудийный расчет и взвод. Он же и за наводчика. С ним в расчете Иван Дементьев и раненый Александр Шубчик. Они все давно оглохли, почернели от копоти и дыма.

Немецкие танки и бронемашины ползут лавиной к занимаемой высоте. Пехота бежит за ними, стреляя на ходу.

«Ни шагу назад! Мы свою жизнь дешево не отдадим», —

думает Павел, поглядывая на последние снаряды.

Высота, на которой окопались гвардейцы, горит от взрывов авиабомб, мин и снарядов.

— Если пропустим немцев к реке — пехоту подведем и сами погибнем! — кричит Брякин Дементьеву.

— Не подведем, — отвечает тот, подавая снаряд.

Три русских солдата в тот день сожгли и уничтожили девять танков, в том числе одного «тигра», три бронетранспортера, два пулемета. Десятки немецких солдат заплатили в этот день своей жизнью за сумасбродный поход Гитлера на Восток.

V

Недалеко от Тернополя в мае 1944 года командира артиллерийского расчета Павла Константиновича Брякина пригласили к командующему армией.

Генерал-полковник Курочкин вручил ему орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», тепло поздравил с высоким званием Героя Советского Союза, обнял как сына, пожелал ему новых успехов.

— Служу Советскому Союзу, — растроганно ответил Брякин. — Буду уничтожать фашистскую свору, товарищ генерал, жизни не пощажу.

И это было так.

Гвардейская дивизия шла с боями, ломая на пути все преграды. Позади освобожденные от гитлеровской чумы Житомир, Винница, Казатин.

В бою за Житомир Павел остался один в орудийном расчете. Уверенно снаряд за снарядом посылает он ненавистному врагу и метким огнем поджигает две автомашины с орудиями.

В бою под деревней Тетюсовской, недалеко от Казатина, немцы предприняли сильную контратаку. На каждое орудие полковой батареи приходилось до десяти танков. В орудийном расчете трое: за командира — Александр Шубчик, наводчик — Брякин и подносчик — Николай Бояркин.

Три танка расстрелял Брякин. Другие орудия подбили немало, и немцы быстро откатились назад.

— По одному фашисту на брата не так уж и плохо, — шутит Павел.

Золотая Звезда горит на груди Героя — символ бесстрашия и преданности своему народу. Рядом с ней орден Ленина, самая высшая награда молодому коммунисту.

Тяжелая контузия под Казатином не остановила Брякина.

Пробыв в медсанбате неделю, он вернулся на батарею и принял участие в боях за освобождение Львова.

С гордостью узнавали о славных боевых подвигах своего земляка жители деревни Барандат Тесульского района Новосибирской области.

* * *

В декабре 1945 года Брякин демобилизовался в Челябинск. 12 лет проработал он на заводе имени Серго Орджоникидзе и три года на трубопрокатном.

Квалифицированный токарь и электрослесарь по ремонту контрольно-измерительной аппаратуры — таковы его любимые профессии.

Вместе с ним работала и сейчас работает на трубопрокатном заводе жена Брякина Анна Павловна, бывшая фронтовичка, сейчас лаборантка по газовым анализам.

Коммунисты Брякины отдавали заводу все свои силы. Хорошо работал Павел Константинович, но война не прошла бесследно. Все чаще жаловался на сердце, на усталость ног. Директор трубопрокатного завода перевел Брякина в энерголабораторию, на более легкую для него работу.

14 августа 1962 года, придя с работы, Павел Константинович почувствовал недомогание, не прошло и часа, как он скоропостижно скончался в больнице.

Так безвременно в возрасте сорока двух лет умер славный труженик, бесстрашный воин, укротитель «тигров».

НАШ СОВРЕМЕННИК

I

Николай Дмитриевич Сергиенко родился в 1923 году в селе Журавлевка Калининского района Целиноградской области. С дошкольного возраста жил в селе Агаповка Челябинской области, там же учился. Затем поступил в ФЗУ города Магнитогорска. Когда началась Великая Отечественная война, Николай учился на помощника машиниста в железнодорожном училище города Карталы.

Добровольцев из училища, в том числе комсомольца Николая

Сергиенко, зачислили в школу младших командиров. Он успешно закончил ее и в звании младшего сержанта был послан на позиции недалеко от Дона.

Скоро Дон остался позади.

Немцы отступали, хотя дрались отчаянно. Один из поединков с гитлеровцами наводчик 76-миллиметровой пушки Николай Сергиенко запомнил надолго. Преследуя противника, батарея неожиданно наткнулась на 105-миллиметровую немецкую батарею. Развернув орудия, артиллеристы в считанные секунды обстреляли врага, но и немцы не дремали. Завязался отчаянный огневой бой. Сергиенко наводил пушку тщательно, но решали доли секунды, и приходилось неимоверно спешить. Перепалка все усиливалась. Снаряды рвались у орудий на той и другой стороне, и за несколько минут, разрывая небо и землю, они превратили огневые позиции батарей в настоящий ад.

На помощь немцам пришли четыре танка. Обстановка усложнилась. Теперь у противника перевес в силах.

Упал тяжело раненный заряжающий, а расчет и так неполный. Командир орудия сержант Ласточкин стал на место Николая, за панораму, а Сергиенко — на место заряжающего. Но осколок разорвавшегося рядом снаряда вонзился командиру в спину. Ласточкин еле устоял на ногах, но вести бой уже не мог. Сергиенко перегнулся через откатные устройства, дотянулся и нажал на спуск. Снаряд пробил немецкий танк, и он загорелся. Соседние орудия подбили два танка, и опасность, нависшая над батареей, миновала.

В том же бою Николай угодил в ствол 105-миллиметрового орудия. Когда неприятель отошел, бойцы увидели брошенную пушку с разорванной дульной частью.

— Вот это капуста, — шутили артиллеристы. — Твоя работа, сержант.

II

В пятнадцати километрах от Белгорода, на опушке леса, недалеко от села Хохлова, батарея готовилась встретить наступающих немцев. Впереди цепь нашей пехоты, еле окопавшейся. Глинистый грунт не поддается саперной лопате.

Орудие Сергиенко левофланговое, а позади глубокий овраг. «Неважная позиция», — мелькнуло в голове Николая.

Около двух часов дня на высотку слева вышли два «тигра» и открыли огонь. Сержант понимал, что на этой дистанции «тигра» не возьмет даже подкалиберный снаряд, но все же открыл огонь.

Снаряд, как мячик, отскочил от брони. В ответ 88-миллиметровые болванки танковой пушки засвистели над головами. Один из снарядов разбил колесо, и пушка Николая накренилась к земле.

— В укрытие! — скомандовал Николай, и бойцы спустились в овраг.

Немцы больше не стреляли по пушке. Продвинув танки вперед, они открыли пулеметный огонь по пехоте. Сергиенко, все время наблюдая за «тиграми», незаметно подполз к своему орудию. Вынул боек из затвора и по отверстию бойка и по стволу с большим трудом навел орудие в борт танка. Зарядил подкалиберным и выстрелил. «Тигр» загорелся.

Только улеглось радостное волнение, примчался посыльный.

— Отходить! — кричал он еще издали. Орудие было подбито. Без колеса не вывезешь.

— Взять панораму, а затвор в овраг, — скомандовал сержант расчету. Повскакав на упряжку, еле успели прорваться к своим.

Дивизия отступала, но дралась за каждый метр земли.

…Скоро фашистское наступление выдохлось. Части Красной Армии перешли в наступление. Дивизия опять погнала немцев, и ее полки ворвались в Белгород.

Белгород в жизни Николая занял особое место, В одну из ночей его приняли в ряды Коммунистической партии. В плохо освещенном подвале шло собрание ячейки, а на душе Николая было светло и радостно. Вручая партийный билет, начальник политотдела полковник Гордиенко крепко пожал ему руку:

— Горячо поздравляю со званием коммуниста и желаю тебе еще успешнее бить фашистскую погань.

А вскоре и вторая радость — за уничтожение немецких танков в боях под Белгородом Николаю Дмитриевичу Сергиенко присвоено звание Героя Советского Союза.

III

Днепр форсировали у села Поповка. Пытались переправиться на полупонтоне, но осколки снаряда пробили борта, и орудие затонуло в двадцати метрах от берега. Много раз ныряли артиллеристы, пока вытащили пушку на берег. На вторую ночь, разобрав колхозную хату, Николай переправил орудие на правый берег Днепра.

Враг контратакует прямо в лоб. Утром немецкий танк кинулся на орудие! Его подбили в ста метрах от огневой позиции.

Немцев гнали от Днепра километров сорок, однако к ним уже спешили резервы, и на отдельных участках фашисты даже

потеснили нашу поредевшую пехоту. Танки противника рвались к Днепру и кое-где выходили к переправам.

Кончилась эта битва пятичасовым боем танков «Т-34» с фашистскими танками. Успех был на стороне Красной Армии. На флангах немецкую группировку захлестывали ударные советские соединения, и гитлеровцы побежали назад. Вот в эту пору и предложил кто-то рисовать на стволе орудия звезды — знаки ратных успехов артиллеристов. Подбил танк, уничтожил орудие — рисуй звезду.

Так на зеленом стволе орудия Сергиенко и появились первые шесть звездочек.

IV

Это произошло на Сандомирском плацдарме.

Стояла лютая зима с 35-градусными морозами.

Стиснув зубы, рыли бойцы в мерзлом грунте небольшие лунки. В ходу топоры, ломы и кирки, а результаты до обидного малы. Кто-то подал пример рыть лунки головыми шашками.

— Закрепиться на плацдарме и метра земли не отдать назад, — повторяли приказ командира.

Поплевав на мозолистые ладони, Сергиенко взял из рук своего наводчика Кнутова топор и начал углублять лунку.

— Проклятая глина, — проворчал тот. — Ну, скажи на милость, как чугун. Искры летят, а откалывается сущая ерунда.

— Перестань скрипеть, — сказал Сергиенко без злобы. Он уважал Кнутова, прекрасного наводчика, за его расторопность в бою, за чудесный меткий глаз.

Вечером старшего сержанта вызвал командир полка.

— Завтра в 6.00 дивизия переходит в наступление. Вам, товарищ Сергиенко, поручается командовать штурмовой группой в составе двух орудий, поддержать стрелковый батальон огнем и вместе с ним прорвать немецкую оборону. Взаимодействие увяжите с комбатом лично.

— Ясно, товарищ подполковник!

…Ночь пробежала незаметно. Николаю не приходилось командовать группой, и новые обязанности волновали.

Утром вся артиллерия на плацдарме и в том числе два орудия Сергиенко открыли ураганный огонь. Артиллерия крупных калибров била по немцам с восточного берега Вислы.

Двести снарядов выпустила штурмовая группа, прежде чем двинулась на машинах за наступающим батальоном.

Земля гудела от разрывов. Завеса дыма и земли закрыла

горизонт. Стрелки бежали в атаку без выстрела. Немцы, прижатые огнем артиллерии, танков и штурмующей авиации, попрятались в укрытия. Но Сергиенко не проведешь. Он знает, что оживет в глубине обороны не одна вражеская батарея.

Оно так и получилось. Немецкая артиллерия открыла огонь по наступающим русским. Минное поле преградило путь, и штурмовая группа застряла. Саперов не было, Николай торопил расчет и сам выкапывал из снега вражеские мины.

Подъехал командир батареи с двумя орудиями и взводом управления и повел батарею догонять пехоту. Примерно на пятом километре машина командира, идущая первой, подорвалась и загорелась.

— К бою! — крикнул сержант своему расчету.

Цели не было видно. Горевшая впереди машина закрывала обзор. Николай ползком пробрался вперед и метрах в четырехстах обнаружил три «фердинанда». Корректируя стрельбу, Николай помог Кнутову поджечь «фердинанда». Вернувшись к орудию, Сергиенко сам стал к панораме и со второго снаряда поджег еще одного. Третий «фердинанд» отошел к минометной батарее. Фашистские минометчики вели беглый огонь. Сорок снарядов выпустили Сергиенко и Кнутов, заменяя друг друга у панорамы, пока разбили минометную батарею. И тут они увидели контратакующую пехоту. Не менее трехсот солдат, развернувшись цепью, шли по направлению к ним.

Метким шрапнельным огнем Сергиенко принудил гитлеровцев остановиться и даже повернуть назад, но через несколько минут они снова поднялись в наступление.

На последнем рубеже, до которого было не менее трехсот метров, гитлеровцы разделились на три группы, пустив фланговые в обхват.

— Окружить хотят! — крикнул Кнутов. — Пусть попробуют, — и, не отрываясь от панорамы, наводил туда, где больше скученность врага.

Бой длился не менее часа. Много, очень много упало фашистов на заснеженном поле, но по орудию ведут огонь минометы и самоходка, пулеметы и автоматы. С горечью Сергиенко оглядывается назад. Из семи человек трое убиты и двое тяжело ранены. Пока они с Кнутовым чудом уцелели.

Снаряды подходят к концу. Немцы, не считаясь с потерями, настойчиво сжимают кольцо окружения с трех сторон. Уже отчетливо видны лица немецких солдат.

Израсходованы все снаряды. Кнутов и Сергиенко без промаха разили фашистов из автоматов, пока не кончились патроны.

Но нет предела мужеству советского воина! Бросив по

последней гранате, артиллеристы пошли в рукопашную. О том, что фашистов десятки, а их только двое, они не думали.

На пути Сергиенко — испуганный немец-ефрейтор. Большие глаза обезумевшего врага неподвижны. Николай таким и запомнил его на всю жизнь. Сильнейшим ударом приклада по голове он свалил фашиста и кинулся на выручку к Васе, отбивающемуся от троих. Кнутов, хотя и щупленький на вид юноша, успел ударить прикладом автомата двоих.

То ли потому, что немцы не ждали такой дерзости, а может быть, потому, что минутой раньше увидели советские танки, они дрогнули и побежали в разные стороны.

Только теперь Сергиенко и Кнутов поняли, что к ним неожиданно пришло спасение. И храбрецы погнались за убегавшими, задержав пятерых гитлеровцев.

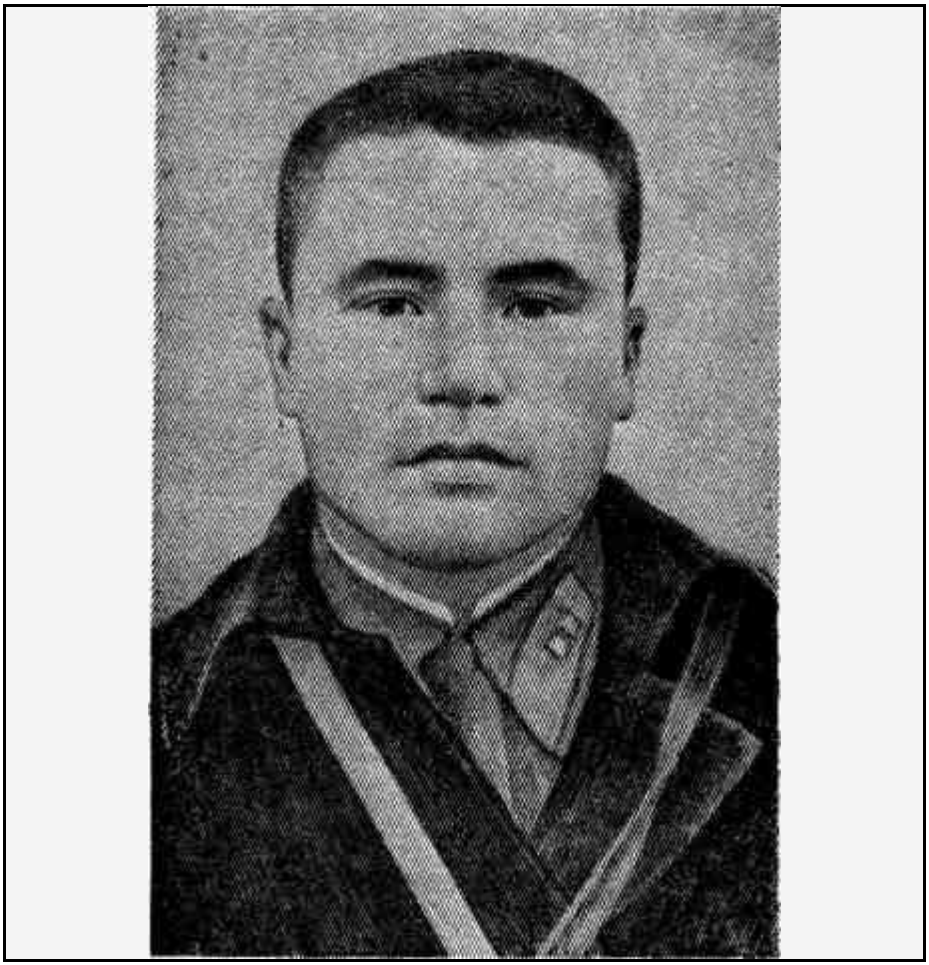
— Если бы мы думали тогда, как спасти себя, мы наверняка бы погибли, — вспоминает Николай Дмитриевич. — Мы верили, что помощь придет.

* * *

И после окончания войны Николай Дмитриевич Сергиенко — на передовых рубежах жизни. Окончен техникум без отрыва от производства, окончен и металлургический институт. Недавно я получил письмо от его жены.

> «Работает муж в управлении Прокатмонтаж треста «Востокметаллургмонтаж» города Магнитогорска начальником участка… Работал на пуске стана на калибровочном заводе, метизном заводе, на монтаже последней домны и вот уже четыре месяца находится в командировке в городе Рудном, где монтирует большую аглофабрику, которая должна снабжать рудой Магнитку и Челябинск.
>
> У нас трое детей, они ученики 7, 6 и 3-го классов. Вот все и ждем, встречаем и провожаем своего неутомимого папу».

ТАКИЕ НЕ УМИРАЮТ



I

В эскадрилью капитана Неделько Ваня Бибишев прибыл 26 мая 1942 года. В те дни гитлеровские полчища из района Воронежа перенесли удар в сторону большой излучины Дона. Создалась реальная угроза прорыва немцев к Волге, и стоило немалых усилий, чтобы остановить врага на новом направлении.

Советская авиация была брошена к месту нависшей угрозы, чтобы сдерживать напор противника, пока не подойдут наземные войска.

В этой обстановке и начались первые боевые шаги юного

пилота — командира «ИЛ-2» 668 штурмового авиаполка Бибишева, уроженца деревни Камакужа Мордовской АССР.

Передавая молодого летчика капитану Неделько, командир полка говорил:

— Пилот Бибишев — самый молодой летчик в полку. Учился в Магнитогорском аэроклубе, отлично закончил Челябинское авиаштурманское училище, но боевого опыта у него нет. Учите его, капитан. Опыт — дело наживное. А вам, сержант Бибишев, — подумав, спокойно продолжал командир, — я советую внимательно перенимать боевые приемы у своего комэска и у летчиков полка.

Ване было приятно сознавать, что командир полка, награжденный многими орденами, запросто разговаривал с ним, безусым юнцом, и передал его одному из лучших летчиков полка.

В тот же день эскадрилья Неделько штурмовала вражеские колонны, и Ваня Бибишев совершил первый боевой вылет. Выйдя к цели, эскадрилья отбомбилась, и Ваня впервые сбросил бомбы на головы завоевателей, первый раз стрелял в ненавистного врага, топчущего советскую землю. Удар по колонне вызвал у него ликование. Ваня видел, как панически шарахались гитлеровцы в разные стороны, но их настигали осколки бомб и пули — заслуженная кара за злодеяния.

Четыре раза в тот день полк штурмовал противника, четыре раза Бибишев испытал чувство полного удовлетворения, какого еще не испытывал никогда.

11 июня шесть «ИЛ-2» во главе с Неделько вылетели в район Волчанска. Крупная мотомехколонна немцев стремительно продвигалась на юго-восток. Штурмовики обрушились сначала на головные машины, а затем нанесли удар по центру и хвосту. Не менее сорока автомашин с солдатами и грузами были разбиты и опрокинуты, подбито пять танков.

Подводя итоги штурмовки, капитан Неделько, похвалив экипажи за дружную работу, отметил и молодого летчика-штурмовика Бибишева.

В этот же день пришлось Бибишеву сделать боевой вылет и одному.

Гитлеровские соединения торопились захватить переправы через реку Дон и прорваться к Волге. Необходимо было разведать двигающиеся немецкие колонны. Несмотря на усталость, Ваня одним из первых заявил о своем желании выполнить это важное задание.

И сержант Бибишев поднялся в воздух. Вскоре он заметил танковую колонну, подходившую к Дону.

А на рассвете следующего дня эскадрилья Неделько

встретила танки врага на марше и, ударив по голове колонны, обрушила смертоносный груз.

Тридцать танков и более пятидесяти автомашин с различными грузами, боеприпасами, горючим и с мотопехотой потеряли гитлеровцы. Это был удар удивительно точный и дерзкий. «Илы» наводили ужас на немецких солдат. На бреющем полете советские самолеты были неуязвимы.

II

В боевой практике сержанта Ивана Бибишева было много поучительных боевых эпизодов. Был и такой.

Осенью командованию ВВС Юго-Западного фронта стало известно о засекреченном вражеском аэродроме в районе станции Обливская. Нужно было срочно проверить эти данные.

За короткий период Бибишев зарекомендовал себя не только отличным штурмовиком, но и хорошим разведчиком, прекрасно ориентирующимся в любое время суток при любой погоде. Выбор пал на него.

Густой туман над своим аэродромом не помешал летчику взлететь, и он с погашенными огнями лег на заданный курс.

Когда самолет появился в нужном районе, немцы открыли по нему сильнейший огонь. Зенитные батареи обложили небо густыми разрывами. Прожекторные лучи ловили русский самолет и старались ослепить экипаж. Бибишев был уже не новичок. Падая в пике, бросаясь в стороны, уходя назад, он много раз обманывал врага и, стремительно маневрируя, все ниже спускался к земле. От внимательного глаза пилота не ускользнули многие детали аэродрома, а всплески орудийного огня и падающие к земле прожекторные лучи помогли заметить силуэты самолетов.

Ярость, с какой немцы пытались его уничтожить, еще больше убедила, что именно в этом районе военный объект. Сомнений уже не было, и горючего оставалось только на обратный путь.

Капитан Неделько, внимательно слушая доклад командира корабля, к которому все больше питал уважение, с благодарностью смотрел на усталое лицо сержанта, в его удивительно черные, блестевшие задором глаза.

— Очень хорошо. Идите отдыхайте. Сейчас доложу командованию, там ждут с нетерпением результат разведки.

А утром чуть свет эскадрилья «илов», ведомая Бибишевым и Неделько, как снег на голову, появилась над разведанным аэродромом. Советские летчики сожгли и разбили 60

бомбардировщиков врага. Ваня Бибишев лично уничтожил четыре самолета. Эскадрилья без потерь вернулась на свой аэродром.

Через несколько дней маршал авиации лично вручил Ивану Фроловичу Бибишеву орден Боевого Красного Знамени и объявил приказ о присвоении сержанту досрочного воинского звания — лейтенант.

Была и вторая огромная радость у Вани Бибишева. Его как лучшего воина-комсомольца приняли кандидатом в члены КПСС. Коммунисты полка единодушно голосовали за прием в свои ряды воспитанника ленинского комсомола, храброго магнитогорца.

III

Шла зима 1943 года, суровая и напряженная. Лейтенант Бибишев сражался в районе Волги и Дона. Ему все чаще поручали самостоятельные, ответственные вылеты звеном, группой и вскоре назначили заместителем командира эскадрильи.

Иван возмужал, уже исчезла некоторая застенчивость, а на загорелом посерьезневшем лице у переносицы появилась первая морщинка и лишь по-прежнему звонким был голос.

Лейтенант уничтожил 4 самолета, на счету у него и 20 сожженных, подбитых танков, свыше 40 автомашин с грузами, 11 подавленных зенитных орудий, 10 очагов пожаров и несколько сот истребленных гитлеровцев. Иван, не щадя сил, бил фашистского зверя, приближая день и час окончательного разгрома агрессора. За 10 месяцев сражений он совершил уже 140 боевых вылетов и был награжден за боевые успехи и отвагу орденом Отечественной войны I степени.

И хотя ему было всего 21 год, его боевые друзья давно уже брали пример с него.

18 января группа штурмовиков под командой Бибишева, удачно отбомбив противника в глубоком тылу, возвращалась на аэродром. Это был 141-й боевой вылет Ивана Бибишева.

Иван заметил: на снегу залегла наша пехота, остановились танки. Вражеская артиллерия задерживала наступление. Переговорив по радио с аэродромом, лейтенант узнал, что все самолеты в боевых полетах. Приказав лететь подчиненным на аэродром, ринулся на вражескую батарею. У него было не израсходовано некоторое количество боеприпасов.

По самолету Бибишева били вражеские зенитки и крупнокалиберные пулеметы. Четыре раза пикировал он на орудия захватчиков. И лишь при пятом заходе погиб, упав на территорию, занятую противником.

А к месту поединка уже летели его боевые друзья, и советские войска вновь перешли в наступление.

Смерть вырвала Бибишева из рядов защитников родной земли, но имя свое он обессмертил.

Чтут память о нем в родной деревне Камакужа Мордовской АССР, никогда не забудут комсомольца Ваню Бибишева магнитогорцы, на долгие-долгие годы остался он в памяти однополчан.

На мемориальной доске, вывешенной в 8-й Магнитогорской школе, высечено золотыми буквами:

> «Здесь учился Герой Советского Союза Иван Фролович Бибишев».

Вечная слава Герою!

ИЗ АЛЬБОМА ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ВЕДЕНЕЕВ Николай Денисович, уроженец села Верхняя Санарка Троицкого района, генерал-лейтенант танковых войск, начал свой славный путь воина еще в 1917 году рядовым. В том же году двадцатилетнего юношу приняли в члены Коммунистической партии. В 1919 году Веденеев — комиссар кавалерийского полка имени Степана Разина партизанской армии В. К. Блюхера.

После изгнания белогвардейцев из Атбасарского уезда Веденеева назначают председателем ревкома города Атбасар.

В годы Великой Отечественной войны — командир танковой бригады и командир 9 гвардейского танкового корпуса 2 гвардейской танковой армии. За Висла-Одерскую операцию

удостоен звания Героя Советского Союза. Командуя танковым корпусом, успешно штурмовал Берлин.

Н. Д. Веденеев является почетным гражданином польского города Серадзь.

НЕЛЮБИН Иван Яковлевич — командир 76-миллиметрового орудия, младший сержант. Отважный артиллерист освобождал Северный Кавказ, Левобережную Украину, Молдавию, Румынию и Болгарию, Югославию и Венгрию. Родина наградила Нелюбина орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и медалью «За отвагу».

А в марте 1945 года в его родной город Ашу пришло печальное известие о гибели Ивана Яковлевича Нелюбина.

…Орудие Нелюбина стояло на стыке подразделений и мешало своим огнем продвижению танков и пехоты противника. На орудие немцы пустили четыре танка. Вторым снарядом

орудийный расчет поджег одну неприятельскую машину. Враг открыл по артиллеристам бешеный огонь. Был ранен наводчик орудия. Нелюбин становится на его место. От меткого выстрела младшего сержанта запылал еще один танк. В то же время Нелюбин был контужен, но от орудия не отошел.

Уже была разбита пушка и фашистский танк отделяло от бойцов всего десять метров, когда Нелюбин с двумя противотанковыми гранатами бросился под гусеницы машины и подбил ее. Четвертый танк сожгло соседнее орудие.

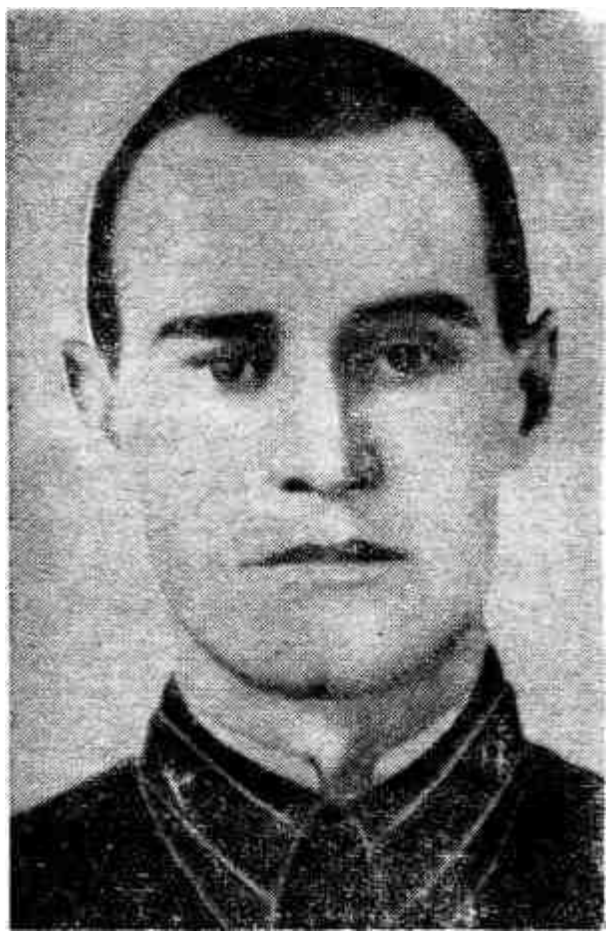
Так погиб 8 марта 1945 года Иван Нелюбин, освобождая венгерскую землю. Правительство посмертно присвоило Нелюбину звание Героя Советского Союза.

ПОПОВ Геннадий Петрович — главстаршина Военно-Морского Флота. При высадке десанта в порту Пинск, захвате берега и удержании порта проявил исключительную отвагу и

сноровку.

Моряки уничтожили метким огнем десятки гитлеровцев, отбили 33 контратаки вражеской пехоты и расширили плацдарм. Каждую ночь Попов, помощник начальника десантного отряда, ходил в разведку, принося нужные сведения. Лично уничтожил два пулемета противника, один блиндаж и восемь гитлеровцев. Главстаршина Попов, матросы Манцуров, Рассохин и Куликов удостоены звания Героя Советского Союза.

Геннадий Петрович Попов родился в 1917 году в городе Аша Челябинской области. Ныне работает в прокуратуре города Свердловска.



ТАШКИН Михаил Александрович — командир 76-миллиметровой горной пушки, старший сержант. Войну с фашистскими захватчиками встретил в Советском Заполярье, находясь на действительной службе. Храбро сражался на Кандалакшинском и Мурманском направлениях, за что был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I

степени и Красной Звезды. В конце 1944 года, находясь на 4-м Украинском фронте, в бою под местечком Зорау, когда наш стрелковый батальон залег на открытом поле под перекрестным пулеметным огнем противника, Ташкин четырьмя снарядами уничтожил два пулеметных гнезда. Советские воины вновь перешли в атаку и овладели Зорау.

В первых числах апреля 1945 года Михаил Ташкин, по собственной инициативе переправив свое орудие на самодельном плоту через реку Одер, вовремя помог своей пехоте удержать захваченный плацдарм, уничтожив огнем пушки три немецких танка с экипажами. В десятидневных боях на плацдарме орудие Ташкина в составе батареи отразило свыше тридцати контратак противника, уничтожив при этом не менее роты солдат и пятнадцать пулеметов.

Ташкин погиб в бою 30 апреля 1945 года на чехословацкой земле.

Советское правительство присвоило Михаилу Александровичу Ташкину звание Героя Советского Союза посмертно.

Жители поселка Сыртинский Кизильского района Челябинской области чтят память своего славного земляка.

ТУЗОВ Николай Иосифович — первый номер станкового пулемета, старший сержант. В октябре 1943 года в боях с немецкой пехотой и танками на правом берегу Днепра, недалеко от города Лоева, Тузов и второй номер пулемета, красноярец Кривенко Семен, оставшиеся в живых из всего отделения, с небольшой группой автоматчиков отбили семь вражеских атак.

Отважные пулеметчики израсходовали все пулеметные ленты и приготовили последние гранаты к отражению еще одной контратаки фашистов, когда к ним пришла помощь с левого берега. За проявленный героизм и стойкость оба воина удостоены самой почетной награды — звания Героя Советского Союза.

После окончания войны Н. И. Тузов вернулся на свою родину — в село Губернское Аргаяшского района. В настоящее время успешно руководит центральным отделением Аргазинского совхоза.

КРАЕВ Николай Терентьевич — заместитель командира авиаэскадрильи 93 гвардейского штурмового авиаполка, старший лейтенант. Сын челябинского железнодорожника, воспитанник Ленинского комсомола, после успешной учебы в аэроклубе окончил Пермскую школу летчиков.

Фронтовые пути Краева пролегали над волжскими просторами и Харьковом, Запорожьем и Одессой, Молдавией и над Черным морем. Штурмовал старший лейтенант гитлеровские войска и в самой Германии.

8 апреля 1944 года ведомая им четверка «ИЛ-2» уничтожила на станции Одесса три вражеских эшелона, а через несколько дней он догнал в Черном море большой вражеский танкер и, атаковав его с бреющего полета четыре раза, потопил.

12 мая на западном берегу Днестра Николай Краев штурмовал фашистские танки, наносившие массированный удар по советским наземным частям, форсировавшим Днестр. Два танка он уничтожил, но в мотор самолета попал зенитный снаряд. Краеву пришлось прыгать с парашютом над территорией,

занятой врагом. Приземлившись, отважный офицер ползком добрался к Днестру, переплыл его и возвратился в полк.

От реки Нейсе до Берлина разведывал трассу атаки третьей танковой армии по личному приказу маршала Рыбалко. Десятки пробоин на самолете, но Краев дотянул свой «ИЛ-2» до аэродрома. Фотопленка, привезенная Краевым, была проявлена в лаборатории и легла маршрутом на карты танкистов.

Орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, ордена Отечественной войны и Красной Звезды и многие другие награды — заслуженный итог ратного труда Героя, ныне занимающегося воспитанием и обучением школьников города Подольска.

КУКАРИН Иван Александрович — артиллерист, гвардии ефрейтор. Осенью 1943 года на одном из плацдармов правого берега Днепра мужественно оборонялся артиллерийский расчет Кукарина. Гитлеровцы повторяли атаку за атакой. В том бою к

исходу дня у орудия остался один боец-южноуралец Иван Кукарин, но орудие неумолчно посылало снаряд за снарядом на головы захватчиков.

Немцы решили любой ценой уничтожить орудие. И вот ползет еще одна группа солдат и два офицера. Неся потери, враги окружали советского воина. Уже пятеро немцев лежат на земле. Один из офицеров забрался в тыл орудия, выстрелил в Ивана, но тот вовремя заметил опасность — пуля просвистела рядом. Кукарин сразил офицера из карабина последней пулей и бросился на двоих солдат, залегших за щитом орудия. Патронов и гранат у Кукарина уже не было. Он убил обоих фашистов прикладом карабина.

…Герой Советского Союза И. А. Кукарин, уроженец станции Вязовая Катав-Ивановского района Челябинской области, умер двадцати шести лет в 1948 году и похоронен в городе Юрюзани.

ЛАПТЕВ Григорий Михайлович — командир огневого

взвода, лейтенант. Сын рабочего из поселка Рудничный Саткинского района Григорий Лаптев к началу войны с Финляндией служил наводчиком тяжелого орудия под Ленинградом. Однажды батарея подверглась нападению большой группы финской пехоты. Бой продолжался около пяти часов. При орудии остался один Лаптев, остальные бойцы были убиты и ранены. Сто-сто пятьдесят метров отделяли Григория Михайловича от противника. Советский воин заставил неприятеля отступить и тем упрочил положение всей батареи. За совершенный подвиг наводчик Лаптев удостоен звания Героя Советского Союза.

Один из первых героев-комсомольцев Южного Урала Григорий Лаптев окончил 2-е Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище. Великую Отечественную войну встретил командиром огневого взвода. В боях 1942 года пропал без вести.

ДЕЙНЕКО Николай Григорьевич — командир 1 стрелковой

роты 184 гвардейского стрелкового полка, старший лейтенант. Во время форсирования реки Днепр 28 сентября 1943 года в районе деревни Мишурин Рог рота Дейнеко под сильным артиллерийским и минометным огнем противника первая переправилась на правый берег, обеспечив переправу остальных подразделений батальона. Действуя смело и внезапно, рота, руководимая старшим лейтенантом, совместно с другими подразделениями полка захватила плацдарм и отбила в течение четырех дней ожесточенных боев многочисленные контратаки пехоты при поддержке танков и авиации противника. Успешное выполнение боевой задачи роты по форсированию Днепра, разминированию вражеского берега и удержанию плацдарма связано с самоотверженными действиями Н. Г. Дейнеко, увлекавшего бойцов на выполнение боевого приказа личным примером. За отличное проведение этой операции Дейнеко был удостоен звания Героя Советского Союза.

После тяжелого ранения скончался в госпитале.

Погибшего героя никогда не забудут его земляки — жители села Октябрьское Октябрьского района Челябинской области. Одна из улиц села названа именем Героя.

РАСПОПИН Петр Федорович — командир стрелковой роты, лейтенант.

Лейтенант Распопин во время войны с Финляндией участвовал в прорыве обороны линии Маннергейма. Ползком, проваливаясь в глубоком снегу, медленно продвигались под сильным огнем противника наступающие роты и батальоны. Настала решающая минута. Надо прорваться за последнюю линию колючей проволоки, через минное поле и атаковать вражеские гарнизоны. В том бою Петр Распопин был ранен, но продолжал руководить ротой. Лишь когда оборона была прорвана, бойцы отнесли своего командира в медсанбат.

За героизм при прорыве обороны линии Маннергейма Советское правительство присвоило Распопину Петру Федоровичу звание Героя Советского Союза.

В Отечественную войну под Ленинградом стрелковый полк, где воевал молодой коммунист Распопин, попал в окружение.

Распопин пропал без вести.

П. Ф. Распопин родился в деревне Цыганы Тинаурского района Кировской области. Рос и учился на Южном Урале в Верхнем Уфалее. Жители города назвали одну из улиц его именем.

МАРЧЕНКО Александр Порфирьевич, гвардии старшина, стрелок-радист танка. Воевал в составе 63 Челябинской добровольческой танковой бригады Уральского добровольческого танкового корпуса. Имя отважного воина широко известно не только на Южном Урале.

…На второй день сражения в городе Львове танки бригады вышли к зданию городской ратуши. Первым сюда прорвался танк Героя Советского Союза старшего лейтенанта Потапова.

Гитлеровцы, засевшие в ратуше, вели сильный огонь, и проникнуть туда никому не удавалось. Пехотинцы-автоматчики,

находящиеся на площади перед зданием, несли потери. В эту трудную минуту Александр Марченко с автоматом в руках первым бросился на штурм, увлекая за собой бойцов. Гвардейцы бригады в рукопашном бою овладевали каждой отдельной комнатой ратуши, очищая этаж за этажом. Марченко через верхний этаж проник в башню здания и закрепил на шпиле красное полотнище флага.

В этом бою бесстрашный воин был тяжело ранен, и его жизнь спасти не удалось.

Во Львове есть улица и площадь имени Александра Марченко.

Флаг, водруженный им над зданием ратуши в день освобождения Львова, хранится во Львовском историческом музее.

ШКЕНЕВ Григорий Александрович — командир артиллерийского дивизиона, капитан. В боях за родную землю Григорий Александрович показал великолепный образец

стойкости, высокого патриотизма.

В боях за высоту 404 артиллеристы Шкенева выдержали тринадцатидневную осаду врага. Вырваться из окружения было невозможно, обороняться стало нечем. Волевой командир принял единственное решение: вызвать огонь своей артиллерии более крупных калибров на себя, чтобы не отдать важную высоту неприятелю.

Родился Шкенев в 1907 году в Ленинграде. После окончания института работал агрономом в Полтавском районе. И после войны Герой Советского Союза Г. А. Шкенев вернулся на Южный Урал. Сейчас Шкенев работает управляющим отделением совхоза «Россия» Челябинской области.

ЗЕЛЕНКИН Егор Федорович — командир минометного отделения 69 мехбригады. В ночь на 22 сентября 1943 года первым переправился через реку Днепр. В бою у села Зарубинцы, действуя, как всегда, решительно и смело, уничтожил с

отделением до 10 гитлеровцев, а в бою за Луковицы — не менее 20 вражеских солдат и офицеров. При штурме села Григорьевки поднял отделение в атаку, стремительным броском ворвался в село и уничтожил до 15 солдат противника.

В боях за высоту 216,8 и высоту 214,6 при отражении нескольких контратак фашистской пехоты и в рукопашной схватке в траншее неприятеля бойцы во главе с командиром отделения Зеленкиным уничтожили не менее 25 фашистских захватчиков.

Герой Советского Союза инвалид Отечественной воины Е. Ф. Зеленкин родился в 1914 году в селе Багаряк Багарякского района Челябинской области. В настоящее время живет в селе Межевой Лог Саткинского района и работает весовщиком бокситового рудника.

МЕДВЕДЕВ Виктор Иванович — командир снайперской группы, инструктор и начальник снайперской команды 284

стрелковой дивизии, старшина.

Летом 1942 года был переведен с крейсера «Калинин» Тихоокеанского Военно-Морского Флота в бригаду морской пехоты и переброшен в состав 284 стрелковой дивизии под Волгоград. В ожесточенных оборонительных боях осенью того же года и при уничтожении немецко-фашистской группировки в районе Волжской твердыни в 1943 году Медведев был сначала ампулометальщиком — истребителем немецких танков, а затем стал снайпером. Уничтожил лично только под Волгоградом свыше 260 гитлеровцев, в том числе 35 снайперов и несколько десятков офицеров.

В сражениях при освобождении Донбасса, Криворожья, Левобережной Украины, Молдавии и Польши талантливый снайпер обучил снайперскому искусству около ста солдат и сержантов своей дивизии и лично уничтожил еще более 100 человек противника.

Герой Советского Союза В. И. Медведев участвовал в боях с империалистической Японией. Командуя отделением снайперов-моряков, освобождал порт Сейсин, порт Дальний.

В настоящее время живет в родном городе Троицке, работает на ГРЭС.

ПОНОМАРЕВ Павел Иванович — командующий артиллерией 1233 стрелкового полка 371 стрелковой дивизии. Летом и осенью 1944 года при освобождении Литовской Советской Социалистической Республики от немецко-фашистских оккупантов проявил исключительное мужество и умение использовать мощь артиллерийского огня. В боях за Каунас, встав к орудию вместо раненого наводчика, подбил и поджег четыре немецких танка. В районе местечка Гришкабудис при отражении сильной контратаки противника личной отвагой воодушевил бойцов к упорной обороне, заменив раненого командира батареи. Уничтожил при этом несколько десятков гитлеровцев, вражескую батарею и несколько танков.

В том бою капитан был тяжело ранен, но, превозмогая боль, продолжал руководить боем. Жизнь Пономареву спасти не удалось.

На родине, в городе Златоусте, имя Героя Советского Союза

П. И. Пономарева носит 25-я средняя школа.

СТАРКОВ Георгий Вениаминович — командир танкового батальона, капитан. Во время финской войны при прорыве оборонительной линии Маннергейма на Карельском перешейке, командуя танковой ротой в батальоне майора Кашубы, старший лейтенант Г. В. Старков проявил высокое мужество. Умело управляя ротой, добился выдающегося успеха. Были уничтожены десятки солдат и офицеров неприятеля, захвачены вражеские объекты и пленные. Старков был удостоен звания Героя Советского Союза.

Когда началась Великая Отечественная война, Герой Советского Союза Г. В. Старков был командиром танкового батальона в городе Бердичеве.

В сентябре 1941 года капитан Старков получил тяжелое ранение в голову. Длительное лечение не смогло сохранить жизнь отважного воина. Он умер в октябре 1943 года. Мужественного защитника Родины не забудут его земляки — жители города

Троицка.

ОЗИМИН Михаил Иванович — командир 28 стрелкового корпуса, генерал-лейтенант. В Красной Армии с 1917 года. Участник гражданской войны. В героическом походе Южноуральской партизанской армии под командованием В. К. Блюхера был адъютантом командира Богоявленского полка.

В годы Великой Отечественной войны командовал стрелковыми дивизиями и корпусом. Его стрелковый корпус успешно штурмовал Берлин.

Герой Советского Союза М. И. Озимин трагически погиб в 1946 году в Тбилиси во время автомобильной катастрофы. Безвременно ушел из рядов Советской Армии крупный военачальник, член КПСС с 1918 года.

Ашинцы назвали в своем городе одну из улиц именем Озимина.

notes

Примечания

1

Экипаж «Юнкерса» состоял из четырех человек.

2

Бухта — круг сложенного витком каната.